

Сергей Кара-Мурза

ЕВРОРЕМОНТ
ДЛЯ
РОССИИ

Издательский Дом
«Историческое наследие Сибири»
Новосибирск
2007

ББК
К

Ответственный за выпуск
Александров Н.А.

Кара-Мурза С.
К Евроремонт для России. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». — 2007. — 112 с.

Книга *«Евроремонт для России»* написана в 1993 г. Ход событий в Российской Федерации за последующие годы показал, что общий вектор господствующей идеологии у нас не изменился. Книга не потеряла своей актуальности.

Более того, последние годы добавили много новых красноречивых фактов и заявлений. Мы наблюдали взрыв идеологического энтузиазма во время агрессии НАТО в Югославии, во время бомбежек Афганистана, в ходе периодических кампаний по поводу вступления России в ВТО, в связи с глобализацией и т. д. Однако нам всем полезно вспомнить именно те доводы и ту логику рассуждений, которые использовались при внедрении мифов евроцентризма в наше общественное сознание. Освоив исторический урок, пусть даже столь недавний, нам станет легче разбираться в настоящем.

ISBN 5—8402—0240—1

© Кара-Мурза С.Г.
© Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»

От издательства

Нам всем хорошо известны Мифы Древней Греции. Кто вслед за Пушкиным не увлекался чудаковатыми богами, населяющими Олимп? Кто не путешествовал с Одиссеем?.. У нас у всех сложилось прочное представление, что мифический жанр — это что-то прекрасное, оставшееся в далекой стране детства.

Книга замечательного ученого Сергея Георгиевича Кара-Мурзы «Евроремонт для России» доказывает, что оставленный в детстве жанр очень популярен у европейских идеологов последнего времени. Искусственно слагаемые мифы о современном европейском чуде материального благоденствия — часть агрессивной политики, ставящей целью подчинить «инакомыслящий» традиционный мир. Современная мифология насильно внедряется в сознание и выполняет функцию овечьей шкуры, прикрывающей неофашистскую суть цивилизованной Европы.

Эта замечательная книга только приподнимает овчью шкуру, под которой мы можем увидеть плотоядную гримасу рыночной демократии. Книга рассчитана на думающих людей. А наша издательская цель — помочь соотечественникам в формировании сознания, базирующегося на традициях нашего русского общества.

Настоящее время заставляет нас бороться и выживать. И это правильно: выживать и бороться просто необходимо, но не теряя своего

человеческого достоинства. Как выжить, пользуясь не европейскими — волчьими законами, а нашими традиционными, наполненными уважением и любви друг к другу? Вопрос очень серьезный. Думаем, что предстоит прочитать еще не одну книгу. Но ответ обязательно найдет Вас через Познание и Веру.

Николай Александров

Перестройка — часть общего кризиса индустриализма

Глубокий кризис, который переживает сегодня Россия, — это часть общего кризиса индустриализма. **Индустриализм — сверхидеология современной западной цивилизации**, возникшей на обломках традиционного общества Средневековья. Современный Запад — это результат цепной реакции революций (научной революции и Реформации, промышленной революции и серии политических революций), прокатившихся по Европе в XVI — XVIII веках. А в особенности замаскированных революций конца XIX начала XX веков, которые уничтожили большинство (12) европейских христианских монархий. Россия, Германия и т. д.

То, что в этом общем кризисе индустриальной цивилизации самым слабым звеном опять оказалась Россия, не должно удивлять. Советский строй («коммунизм») возник как антикапитализм, как симметричная, «отталкивающаяся» от капитализма часть индустриальной цивилизации. После первого витка промышленного развития и угасания культурного импульса большевизма как «общинного крестьянского коммунизма» советское общество все больше испытывало на себе влияние социальной, экономической и духовной системы западного капитализма и общества потребления — это стало проявляться уже во времена Н. С. Хрущева, а после него наша интеллигенция вообще стала переходить на рельсы буржуазной идеологии. Таким образом, у нас кризис капитализма был резко усилен внутренним расколом в самом советском обществе, нашей собственной «гибелью богов». Что может быть страшнее, чем когда большая, нисходящая идеология вдруг становится господствующей в сложном и противоречивом обществе, как это произошло с нами!

В этой книжке мы затронем процесс в идеологической сфере, — принятие правящей верхушкой («элитой») СССР и Российской Федерации сложившейся на Западе идеологической конструкции,

называемой *евроцентризм*. Разумеется, сама эта властная верхушка («господствующее меньшинство») вовсе не обязательно должна была в него искренне верить, как давно она уже не верила и в коммунизм. Для нее идеология стала лишь средством господства, инструментом манипуляции общественным сознанием. Главное, что евроцентризм внедрялся в массовое сознание, и защититься от этого воздействия люди не могли. Но поскольку этот процесс продолжается, то для выживания нас как народа мы обязаны организовать психологическое и духовное сопротивление. Для этого полезно вспомнить историю этой идеологии. Сначала поговорим о том, как складывался евроцентризм на самом Западе, и о том, почему он так оживился в условиях кризиса.

Нынешний кризис индустриализма — сложный исторический процесс. Он связан, среди прочих причин, с исчерпанием духовного ресурса самого типа цивилизации, с ощущением принципиальной ложности некоторых ключевых идей, лежащих в ее основе. Это — кризис идентичности, неразрешимое столкновение представлений человека западной цивилизации о самом себе с новой реальностью мира. Человек осознал целый ряд таких противоречий, которые в принципе не могут быть разрешены в обозримом будущем в рамках структур индустриальной цивилизации.

С чем связан, например, пессимизм, вызванный угрозой «парникового эффекта»? С тем, что, вопреки идее бесконечности мира, перед человеком вдруг встал естественный барьер, лишающий его свободы, а значит, ставящий под сомнение идею неограниченного *прогресса*. Сомнение в идее свободы и прогресса — удар по устоям индустриализма. Проще остановить увеличение выбросов в атмосферу углекислого газа странами «третьего мира». Иными словами, запретить им развитие промышленности и транспорта, вообще рост потребления энергии — запретить им *развитие*.

Но это означает отказ от идей гуманизма и демократии, написанных на знамени индустриализма. Это — глобальный фашизм, первопроходцем которого был Гитлер. И человек Запада в нерешительности. Но уже делаются эксперименты, исполненные глубокого смысла (например, бомбардировки Сербии и Ирака). Они служат как проверкой общественного мнения Запада. И общий вывод почти не вызывает сомнения: средний человек западной цивилизации это принимает. Это видно по тому, как

быстро возрождаются в культуре среднего класса на Западе идеи *евроцентризма* — идеологии, вспышки которой всегда говорят о подготовке к какому-то Великому походу. По своей сути это не что иное, как продолжение рабовладельческого строя, но на новый лад — «золотой миллиард» и обслуживающие его много-миллиардные рабы.

У нас к этому вопросу свой интерес, поскольку в России укоренилась ложная картина «мировой цивилизации», куда якобы нам необходимо «вернуться». Мы вышли из одной с Западом «материнской» цивилизации — эллинской, а потом, в союзе с множеством народов, в географических условиях Евразии (которые, правда, многим западникам, начиная с Чаадаева, очень не нравятся), создали свою, особую цивилизацию. Но о разрыве с Западом и речи не было, для нас, по словам Достоевского, седые камни Европы, быть может, дороже, чем самому европейцу. **Да дело-то в том, что под маской западничества сегодня скрывается именно *евроцентризм* — расистская идеология Запада, возникшая вместе с капитализмом в недрах протестантского мироощущения.**

Евроцентризм не сводится к какой-либо из разновидностей *этноцентризма*, от которого не свободен ни один народ. Это идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что *все* народы и *все* культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития. Евроцентризм широко распространился в XIX веке, но основные его положения остались неизменными и сегодня. Когда общество находится на распутье и определяет путь своего развития, политики, проникшие идеологией евроцентризма, утверждают, что ответ на этот вопрос есть: «Следуй за Западом — это лучший из миров».

Арабский экономист и социолог Самир Амин в своей книге «Евроцентризм как идеология: критический анализ» отмечает: «Либеральная утопия и ее чудодейственный рецепт (рынок + демократия) — это всего лишь набор бледных штампов в рамках господствующих на Западе взглядов. Их успех в средствах массовой информации сам по себе не придает им никакой научной ценности, а говорит лишь о глубине кризиса западной мысли» [1, с. 13]. Хотя очень смешно, когда традиционная восточная тирания высказывается о научной ценности нетрадиционной западной утопии.

Основная причина, по которой кризис индустриализма с особо разрушительной силой проявился именно в России, лежит в плоскости культуры. Ибо в культурном плане Россия всегда была частью Запада, но не Западом; христианским миром, но не современным, а традиционным обществом; традиционным обществом, но не Востоком. В результате ключевые идеи западной цивилизации прививались на ствол иного мироощущения и давали порой прекрасные, но аномальные, болезненные плоды.

Любой кризис переживался в России болезненнее, чем на Западе. Россия не имела того огромного буферного механизма, при помощи которого Запад мог гасить возникающие противоречия, — колонии на первом этапе индустриальной цивилизации и «третий мир» сейчас. Будучи традиционным обществом, Россия и не могла относиться к вошедшим в нее народам, как метрополия к колониям. Россия «наращивалась» на полиэтническую матрицу, возникшую с самого начала при соединении в Русь славянских, угро-финских и тюркских племен. В основе этой матрицы лежали идея общей исторической судьбы и метафора семьи народов. Поэтому Россия субсидировала окраины и была лишена важнейшего для Запада маневра путем изъятия ресурсов из колоний и «экспорта кризиса» в колонии.

Историк капитализма Фернан Бродель, поднятый на щит именно во время перестройки, сформулировал такую зависимость: *«Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. По данным Броделя, в середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход, равный трети всех инвестиций в Великобритании. Таким образом, если учесть доход от всех ее обширных колоний, то выйдет, что за их счет делались практически все инвестиции и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д.

Опыт России особенно красноречив, ибо под давлением евроцентризма у нас разрушаются несущие структуры общества, как социальные, так и культурные. **Уже то уникально, что если в Африке пропагандистом «бледных штампов» евроцентризма является компрадорская буржуазия, отказавшаяся от национальных культурных корней («люмпен-буржуазия»), то в России — цвет нации, ее интеллигенция.** И в своем идеологическом энтузиазме она вынуждена даже предавать память тех, кто еще недавно относился к числу ее интеллектуальных кумиров. Возьмем

структурализм. Редкий интеллигент, услышав это слово, не возведет к небу очи: «Ах, Леви-Стросс! Огромный, светлый ум». Но ведь этот светлый ум отрицал евроцентризм всем своим трудом. Вот лишь некоторые фрагменты из его работ:

«Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим» [2, с. 335].

Такой синтез мы видели и в России (царской и СССР), и в Японии. Такую дезорганизацию и крах мы видим после 1991 года в Российской Федерации. Читаем далее: «Нет, не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма*, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немислимо» [27, с. 338].

---

* **Партикуляризм** (от лат. *particula* — частица, уменьшительное от *pars* — часть) — в буржуазной политической науке понятие, обозначающее всякое движение, целью которого является приобретение или удержание политической, административной или культурной автономии для тех или иных частей государства. Крайние проявления П. — сепаратизм (движение за отделение и образование самостоятельного государства) и децентрализм (отрицание централизма во всех его формах). Применительно к средним векам П. — политическая раздробленность, характерная для определенного периода развития феодального государства, связанная со стремлением феодальных сеньйорий и городов к возможно большей политической, административной и судебной самостоятельности. Для этого периода характерен и П. в области права: пестрота и разнообразие правовых систем провинций, княжеств и городов в рамках одного государства (*прим. ред.*).

Леви-Стросс даже считал необходимым противоядием против униформизации человечества «возникновение в мире антагонистических политических и социальных режимов; можно предоставить себе, что диверсификация*, обновленная каждый раз в новом разрезе, позволит через изменяющиеся формы, которые никогда не перестанут удивлять человека, неопределенное время поддерживать то состояние равновесия, от которого зависит биологическое и культурное выживание человечества» [2, с. 338].

Все острые кризисы в России последних двухсот лет зарождались и вызревали в той части общества, которая наиболее близко соприкасалась с западными идеями и образом мысли, была к ним наиболее восприимчива. Уже с опытом вторжения в русскую жизнь западного капитализма конца XIX века писал историк В.О. Ключевский: «Чем больше сближались мы с Западной Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, а не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе» [3].

Описание, а также анализ психологических и этических оснований этой склонности русской интеллигенции доводить любую нестабильность до стадии острого кризиса дали Достоевский и русские философы-эмигранты, наблюдавшие подготовку и осуществление революций 1905 и 1917 гг. Особое внимание обратили эти философы на скрещивание гипертрофированного морализаторства русского интеллигента с двумя порождениями западной культуры — *научным рационализмом и этикой нигилизма* (Ницше). Кризис конца XX века, перестройка и либеральная реформа в России дают новый пласт наблюдений и заставляют более подробно рассмотреть деформации культуры под влиянием идеологии евроцентризма.

---

* **Диверсификация** (*от лат. diversificatio — разнообразие*) — распределение средств между различными объектами вложения с разными уровнями риска и доходности с целью минимизации возможных потерь (*прим. ред.*).

Глава 1

ОСНОВНЫЕ МИФЫ ЕВРОЦЕНТРИЗМА

Запад как христианская цивилизация

Как и все крупные цивилизации, Запад для своего объединения использовал *религиозный* фактор. Христианство предопределило его социальный порядок и культуру. В зависимости от конъюнктуры эта идея подавалась в различных вариациях или вообще приглушалась (например, во время Французской революции отношение к церкви определялось лозунгом «Раздавить гадину!», а сегодня говорится, что Запад — не христианская, а *иудео-христианская* цивилизация). Важно, что христианство представлено как формообразующий признак западного человека — в противовес «мусульманскому Востоку». Для создания такого образа идеологам пришлось немало потрудиться. Да и не только идеологам, а европейским художникам, приучающим публику к мысли, что в Святом семействе все были сплошь блондинами*.

Для России это имеет особое значение, поскольку ставится под сомнение «законность» восточного христианства — православия. Многие российские демократы говорили как о фатальной исторической ошибке о принятии Русью христианства от Византии и, таким образом, о «выпадении» из христианской цивилизации.

---

* С. Амин замечает: «Поскольку христианство родилось не на берегах Луары или Рейна, было необходимо произвести операцию по интегрированию этого учения — восточного по своим культурным корням. Из Святого Семейства и египетских и сирийских Отцов Церкви надо было сделать европейцев» [1, с. 95].

Ведь всерьез утверждалось, что напрасно в XIII веке русские отвергли цивилизованных христиан-тевтонов и приняли иго мусульман-татар. И это притом, что Александр Невский побратался с сыном Батыея Сартаком — *христианином*.

Из исторической памяти просто стерли тот факт, что среди шедших с Востока кочевников-монголов христианство (нехристианство) было одной из наиболее распространенных религий, а мусульман практически не было. Точно так же в общественном сознании изначально христианским народом предстают литовцы, принявшие христианство лишь в XV веке, а половцы, которые смешались с русскими, будучи в основном христианами, считаются мусульманами. Вот как действуют мифы.

Трактовка христианского мифа в евроцентризме внутренне противоречива. Сам тип современной западной цивилизации и ее этика все более несовместимы с христианством. Поэтому уже полвека назад католический богослов Романо Гвардини предупреждал, что паразитированию Запада на христианских ценностях приходит конец. Уже колонизация и необходимый для ее оправдания *расизм* (которого не было в средневековой Европе) заставили отойти от христианского представления о человеке. Пришлось позаимствовать идею *избранного народа* (культ «британского Израиля»), а затем дойти до расовой теории Гобино и до поисков нордических предков «златокудрого Менелая»*.

Отход от Евангелия и обращение к ряду книг Ветхого Завета в ходе Реформации понадобились и для этического обоснования нового отношения к наживе. Это подробно исследует М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» [5]. Оно было настолько революционным, что передовые в этом отношении протестантские секты называли себя «британскими израильянами». Сыгравшие важную роль в становлении современного общества культурные течения (например, масонство) имели ярко выраженный нехристианский характер. А трактовка заложенных в основание этого общества понятий *свобода, равенство и братство* — характер прямо антихристианский.

---

* Как писал А. Тойнби в середине XX века, «среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить «фундаменталистов», продолжающих верить в то, что они избранники Господни в том самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом Завете» [4, с. 96].

Открытости, солидарности и любви *всех* людей, с которыми связываются эти понятия в христианстве, идеологи буржуазного общества противопоставили идею власти просвещенного *братства* (братьев-масонов), *свобода* и *равенство* которых предполагали разрушение традиционных авторитетов и должны были демонстрироваться ритуальным убийством монарха и гения. Пишут, что этот ритуал предписан мифом происхождения братства масонов от вольных каменщиков, строивших иерусалимский Храм. Гениальным архитектором был царь Тирский Хирам Абиф. Каменщики, чтобы продемонстрировать свою свободу и равенство, убили этого монарха-гения. В Новое время, похоже, стало трудно находить людей, совмещающих два этих качества в одном лице. И в 1793 г. пришлось, помимо короля, послать на гильотину гения Франции Лавуазье (оказавшего, кстати, неоценимые услуги революции). Эта казнь не находит рационального объяснения ни у одного историка.

Примечательно, что в евроцентризме в опалу попало не только православие, но и другая консервативная ветвь христианства — католичество. В философии и истории на все лады обсуждается благотворная роль протестантизма и акцентируется внимание то на обскурантизме* католической церкви (спектакль с извинениями за «дело Галилея»), то на лжи о преследовании евреев инквизицией. И результат достигается. Например, образованная молодежь Испании (даже искренне верующая) при каждом удобном случае старается продемонстрировать свое к нему критическое отношение.

Был я в Испании оппонентом на одной диссертации по истории образования в XIX веке. Хорошо знаком с диссертантом, знаю, что он — верующий католик. Но на всякий случай, как свидетельствую своей лояльности к «демократии», он рассыпает по тексту такие замечания: «Попытки включить преподавание науки в качестве ключевого элемента системы образования наталкивались на религиозную традицию христианства, особенно в католической церкви... В условиях непримиримого противостояния между религиозной традицией и новой наукой сложился климат общего отрицательного отношения к науке» и т. п. Зачем, спрашиваю, это делаешь? Почему пишешь, что противостояние *непримиримое*

---

* **Обскурантизм** — массовое распространение ложных представлений (прим. ред.).

— ведь как-то примирилась церковь с наукой? И если говорить о религиозной традиции, разве именно христианство было наиболее консервативным в области образования? Ведь известно, что именно христианство породило «вселенскую школу», что вся система образования, которой посвящена твоя диссертация, выросла из христианского университета и схоластики. Оказывается, иначе никак нельзя. Живешь в условиях демократии — будь добр соответствовать прогрессивным установкам.

Наконец, весь пафос индустриальной цивилизации, связанный с технологией, культом огня и силы, эпосом переделки мира носит не христианский, а *титанический* характер. Действительно, образ Прометея пронизывает все европейское образование, и капиталистическая культура является, очевидно, прометеевской. Если же говорить о конце XX века, то титаническое начало, похоже, уступает место циклопическому. Сила становится все более разрушительной, а ее демонстрация — все более жестокой. В них все более проглядывают неоязыческие ритуалы. Не будем забывать, что титаны были сброшены богами — олимпийцами в преисподнюю и являются ее обитателями.

Запад — продолжение античной цивилизации

Другим мифом евроцентризма является созданная буквально «лабораторным способом» легенда о том, что современная западная цивилизация является плодом непрерывного развития *античности* (колыбели цивилизации). В области социально-экономической эта легенда предстает как история «правильной» смены формаций и непрерывного прогресса. Здесь по мере развития производительных сил первобытно-общинный строй сменяется рабством, которое уступает место феодализму, а после, в ходе научной и промышленной революции — капитализму. Затем между разными течениями евроцентризма начинается спор о том, является ли капитализм завершающей стадией развития человечества («конец истории») или является предысторией и лишь готовит предпосылки для социализма. Мы в этот спор вдаваться не будем. Главное, что в рамках евроцентризма лишь эта смена формаций признается правильной. Раз славяне и монголы не знали рабства, а в Китае не было крепостного права и государственной религии —

значит в цивилизацию им попасть и не удалось, сегодня должны проходить специальный курс обучения у Запада.

Но сама схема мифологична. Древняя Греция не была частью Запада, она была неразрывно связана с культурной системой *Востока*. А наследниками ее в равной мере стала варварская Западная Европа (через Рим) и восточно-христианская православная цивилизация (через Византию). Более того, этот античный миф вначале был вообще развит *в противовес* мифу христианскому.

Об этом пишет Самир Амин: «Европейская буржуазия в течение долгого времени с недоверием и даже презрением относилась к христианству и поэтому раздувала «греческий миф»... Эта конструкция совершенно мистифицирована. Греки прекрасно осознавали свою принадлежность к культурному ареалу Древнего Востока. Они не только высоко ценили то, чему обучились у египтян и финикийцев, но и не считали себя «анти-Востоком», как-то представляет евроцентризм греческий мир. Напротив, греки считали своими предками египтян, быть может, мифическими, но это не важно [1, с. 89].

Мы тоже учились и учимся по евроцентристским учебникам истории, знаем перипетии афинской демократии и споров в римском сенате, Восток же был и остается для нас застывшей неподвижной маской. Если речь идет о греко-персидских войнах, то мы, конечно, на стороне греков — они для нас европейцы.

Мифом является и утверждение о непрерывности смены социально-экономических формаций. Феодализм был *принесен* варварами, завоевавшими рабовладельческую Римскую империю. Варвары в своем укладе этапа рабства не проходили — они становились рабами лишь как военнопленные античных государств (и создавали там проблемы). Какая же это непрерывность? Это — типичный разрыв непрерывности, причем в крайней форме, связанной с военным поражением.

О культуре и говорить нечего — разрыв в продолжении античной традиции составлял более тысячи лет (оттого-то и говорят *Возрождение*, оттого-то и миф о «темном» Средневековье как потерянном времени). Более того, Запад на время вообще утерял культурное наследие античности и получал его по крохам от Востока — через арабов, тщательно сохранивших и изучивших греческую литературу. Западная цивилизация

создавалась сообща, и евроцентризм, кроме всего прочего — идеология неблагодарных потомков. Уж этому мы сегодня имеем доказательств сверх меры.

Миф о «правильной» смене общественных формаций подкрепляется важным мифом эволюционизма (прогресса). Идея прогресса, как считают некоторые философы, это самая важная идея Запада за три тысячи лет. Своими корнями она уходит в историю перехода от циклического времени аграрной цивилизации к идее бесконечного, линейного, направленного в будущее времени современного Запада («стрела времени»). Идея прогресса стала той почти религиозной основой, которая заставляет капиталиста расширять производство и накапливать капитал. Этого жгучего мотива искренне не понимает человек традиционного общества.

Вся техносфера, в которой живет человек Запада, действительно создает — даже на бытовом уровне — ощущение полной победы над пространством, климатом и временем, причем инструментом победы являются *деньги*. Пространства не существует, ибо ты (если позволяет кошелек) можешь преодолеть его на самолете (даже сверхзвуковым) или при помощи телефона и Интернета. Человек желает настолько чувствовать себя независимым от климата, что даже если едет в магазин за пару километров, включает в машине кондиционер. Вот анекдот: советский турист на Западе, зимой, спрашивает в лавке: «Когда у вас начинают продавать свежую клубнику?» — и слышит в ответ: «Как и все остальное, в восемь часов утра». Для человека традиционного общества, сохранившего ощущение второго (циклического) времени, это странно. Наоборот, наслаждение видится в том, чтобы переживать ход времени и его «вечное возвращение» — ощущать его в плодах и ощущениях, соответствующих времени года, переживать летом жару и прохладу, а зимой — мороз и тепло дома. А в человеке среднего класса, стремящемся быть «настоящим европейцем», горит болезненное желание есть клубнику именно зимой, а кататься на лыжах именно летом, на дорогом курорте. Здесь уже вопрос гордыни, а он характерен для всех обществ — и для традиционных, и не очень.

Идея эволюционизма приобрела характер идеологического мифа после триумфального шествия дарвинизма. Этот триумф вроде бы биологической теории был предопределен острой потребностью в научном обосновании того, что уже вошло в социальную практику (социал-дарвинизм Спенсера появился раньше,

чем сам дарвинизм; Маркс был счастлив тем, что его концепция классово́й борьбы получила с дарвинизмом «естественно-научное» объяснение). Получив сильные импульсы от западноевропейских идеологических структур (протестантской «естественной теологии», мальтузианства и механистической политэкономии Адама Смита), дарвинизм сторицей вернул долг, снабдив евроцентризм прекрасно замаскированным идеологическим оружием, которое вот уже полтора века интенсивно используется во всех сферах общественной жизни.

В приложении к обществу, культуре и цивилизации эволюционизм дал идею развития и естественного отбора. Общества разделились на развитые и слаборазвитые (или развивающиеся), в обыденное сознание прочно вошла мысль, что отставшие в своем развитии общества или погибают в ходе конкуренции, или становятся зависимыми и эксплуатируемыми, и что это — естественный закон жизни. Согласно этому мифу, Западу повезло в том, что он с самого начала попал на «столбовую дорогу» мировой цивилизации, а другие запутались и выбирают на эту дорогу с опозданием, за что вынуждены платить опередившему их Западу как более удачливому конкуренту. Сопротивляться этому бесполезно, ибо это — закон природы. Но хорошим поведением у Запада можно получить скидку (плохое поведение неизбежно влечет за собой наказание). Дарвин много писал, что исследует правоту Божьего Творения.

В отношении же целых народов и цивилизаций биологическая метафора эволюционизма вообще не имеет смысла, ибо число единиц анализа мало, и их конкретная история известна и спекуляций не допускает. Леви-Стросс постоянно напоминает о той роли, которую сыграл Запад в судьбе колоний: «Невозможно отвлечься от тех результатов, к которым привели практикуемые в течение нескольких веков насилие, угнетение и уничтожение. «Простота» и «пассивность» [слаборазвитых обществ] являются не внутренними свойствами рассматриваемых культур, а результатом ситуации, созданной зверствами, грабежом и насилием, без которых не были бы созданы исторические условия для этого самого развития... Через разрушение Нового Мира, а затем еще нескольких миров, начали складываться условия для развития в пользу Запада, которые затем обеспечили это развитие... И намного раньше этого «нового контакта» [уже в середине XX века]

эти общества ощущали на себе воздействие двумя способами: или в форме второго, «дистанционного» разрушения, или в форме их собственных желаний, которые также эквивалентны разрушению» [2, с. 297–298].

Сегодня в России мы имеем, пожалуй, все три формы: внедренные в общественное сознание «желания», разрушение «на расстоянии» и прямой «контакт» с полной открытостью для грабежа и «развития».

Технологический миф

Одно из утверждений евроцентризма состоит в том, что именно западная цивилизация создала культуру, которая доминирует в мире и предопределяет жизнь человечества. В это искренне верит человек, сформированный телевидением и уже неспособный взглянуть вокруг (ведь приручить и обучить лошадь было не менее сложным и творческим делом, чем построить атомную бомбу, но западная философия сумела вытравить чувство благодарности к предкам). **Одним из «завоеваний» евроцентризма является подавление исторического чувства в людях — одна из великих побед над природой. Время стало манипулируемо.**

Леви-Стросс пишет: «Вся научная и промышленная революция Запада уместается в период, равный половине тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить, прежде чем утверждать, что эта революция полностью перевернула эту жизнь».

А дальше он ставит под сомнение сам критерий, по которому оценивается культурный вклад той или иной цивилизации: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе... Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай — стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три

столетия назад Ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни — технической, экономической, социальной и духовной — какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии. Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и в связанной с ней области отношений между телесным и моральным Восток и Дальний Восток обогнали Запад, который отказался от своих собственных глубочайших духовных христианских знаний в пользу мифа о прогрессе, на несколько тысячелетий — там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога в Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики... Австралийцы разработали, нередко в блестящей манере, теорию этого механизма и описали основные методы, позволяющие его реализовать с указанием достоинств и недостатков каждого метода. Они ушли далеко вперед от эмпирического наблюдения и поднялись до уровня познания некоторых законов, которым подчиняется система. Не будет преувеличением приветствовать их не только как родоначальников всей социологии семьи, но и как истинных основоположников, придавших строгость абстрактного мышления изучению социальных явлений» [2, с. 321—322].

В России сегодня миф о том, что Запад изначально был генератором технологий для всего мира, используется очень активно. Исаак Фридберг убеждает, что с Востока «постоянно идет угроза», а с Запада Россия получала только блага: «Через западные границы пришло в Россию все, что и по сей день является основанием могущества и национальной гордости России... — все виды транспорта, одежды, большинства продуктов питания и сельскохозяйственного производства — можно ли сегодня представить Россию лишенной этого?» [6].

Действительно, невозможно себе представить Россию вдруг лишенной всех видов одежды — а можно ли представить себе взрослого человека всерьез озабоченного такой перспективой для России? И как это, интересно, Запад предполагает отнять все, что он так щедро пропустил через свои границы в Россию? Но если серьезно, то это евроцентризм, доведенный уже до маниакальной стадии. Ну кому может сегодня прийти в голову считаться, где сшили первые джинсы, а где научились делать горшок из глины? В исторической перспективе временные различия в появлении в разных странах телеграфа или хоккея исчезающе малы, а приручение лошади было для цивилизации событием несравненно более важным, чем изобретение паровой машины. И даже если встать на уровень рассуждений Фридберга — неужели он всерьез считает, что «большинство видов сельскохозяйственного производства» созданы Западом?

Нет смысла спорить с Фридбергом, но этот сюжет — хороший повод лишний раз послушать Леви-Стросса, причем именно о том, что дали Западу потомки наших сибирских народов, предшественников якутов. Он считает это редким случаем непрерываемого (вплоть до вторжения европейцев) технологического развития в истории.

«За этот период [15—20 тыс. лет со времени перехода через Берингов пролив в Америку] эти люди продемонстрировали один из самых немислимых случаев кумулятивной истории в мире: исследовав от северной до южной оконечности ресурсы новой природной среды, одомашнив и окультуривав целый ряд самых разнообразных видов животных и растений для своего питания, лекарств и ядов и даже — факт, который не наблюдался нигде больше, — превращая ядовитые вещества, как маниока, в основной продукт питания, а другие — в стимуляторы или средства анестезии; систематизируя яды и снотворные соединения в зависимости от видов животных, на которых они оказывают селективное действие, и, наконец, доведя некоторые технологии, как ткачество, керамика и обработка драгоценных металлов до уровня совершенства.

Чтобы оценить этот колоссальный труд, достаточно определить вклад Америки в цивилизации Старого Мира. Во-первых, картофель, каучук, табак и кокаин (основа современной анестезии), которые, хотя и в разных смыслах, составляют четыре опоры

западной цивилизации; кукуруза и арахис, которые революционизировали африканскую экономику даже до того, как были широко включены в систему питания Европы; какао, ваниль, помидоры, ананас, красный перец, разные виды бобовых, овощей и хлопка.

Наконец, понятие нуля, основа арифметики и, косвенно, современной математики, было известно и использовалось у майя как минимум за пятьсот лет до его открытия индийскими мудрецами, от которых Европа научилась ему через арабов. Поэтому, видимо, календарь той эпохи у майя был точнее, чем в Старом Море. Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа» [2, с. 317—318].

Леви-Стросс это писал без всякого желания считаться, кто и что ценного внес в развитие человеческой культуры. Надо быть уже полностью подавленным идеей рыночной экономики, чтобы составлять такой баланс. Суть цитаты в том, чтобы призвать человека не верить плоским и пошлым мифам, окинуть взглядом историю. И в этой перспективе окажется, что вопрос, где впервые стало использоваться электричество, а где была изобретена непрерывная разливка стали, просто не имеет смысла. Начиная с книгопечатания и научной революции технологическое развитие приобрело характер *всеобщего* труда человечества.

К технологическому мифу тесно примыкает другой, очень важный для России миф — о земледельческом Западе и скотоводческом кочевом Востоке. Полностью игнорируя реальную историю, евроцентризм представляет уклад жизни кочевых народов Азии как непроизводительный, ориентирующий на захват чужих земель и эксплуатацию трудолюбивых земледельцев Запада. Поскольку для устойчивости России исключительно важно сохранение сложившегося за тысячелетие способа совместной жизни славянских, угро-финских и тюркских народов, проект расчленения России основан прежде всего на противопоставлении славян («Запада») степнякам («Востоку»). В этом направлении активно работает не только популярная демократическая пресса, но и солидные академические журналы типа «Вопросов философии».

Одним из популярных авторов стал здесь В. Кантор, специализирующийся на обличении «Степи». И это — в журнале Российской академии наук, той Академии, которая славилась в мире своей этнографической школой, накопившей огромное знание о кочевых цивилизациях. Но процитирую А. Тойнби. Тут уж «Знак качества» есть — великий английский историк. Что же пишет он на основании археологических данных о «паразитах-кочевниках»?

«Первый приступ засухи застал в Евразии человека-охотника. Вторую волну засухи встретил уже оседлый земледелец и скотовод, для которого охота стала второстепенным занятием. В этих обстоятельствах вызов засухи, который проявился с большой силой, породил две, причем совершенно различные, реакции. Начав доместикацию* жвачных, евразиец вновь восстановил свою мобильность, утраченную было в период, когда он совершил свой первый крутой поворот — от охоты к земледелию. В ответ на новый импульс старого вызова он вновь обрел активность.

Некоторые из земледельцев решили просто уйти от засухи и по мере наступления ее передвигались со всем своим скарбом, скотом, припасами. Им не пришлось кардинальным образом менять свой образ жизни, так как, гонимые засухой, они искали себе новую родину с привычными условиями существования, где они могли бы, как и раньше, сеять, жать, пасти скот на пастбищах.

Однако их степные братья ответили на вызов другим, более отважным способом. Эта часть евразийцев, оставив непригодные для жизни оазисы, также отправилась в путь вместе со своими семьями и скотом. Но они, оказавшись в открытой степи, охваченной засухой, полностью отказались от земледелия, как их предки когда-то полностью отказались от охоты, и стали заниматься скотоводством. Они не пытались уйти из степи, а приспособились к ней.

Как видим, номадический** ответ на повторяющийся и усиливающийся вызов действительно был рывком. В первый период засухи доземледельческие предки кочевников от охоты перешли к

---

* **Доместикация** (от лат. *domesticus* — домашний) — все виды приручения, *одомашнивания* животных, сопровождающиеся возникновением и развитием у них новых признаков (*прим. ред.*).

** **Номадизм** — систематическое или временное перемещение отдельных групп населения; вид пространственной подвижности населения, обусловленный характером производства и образом жизни (*прим. ред.*).

земледелию, превратив охоту в дополнительный и вспомогательный промысел. А в период второго ритмического наступления засухи патриархи номадической цивилизации смело вернулись в степь и приспособились к жизни в таких условиях, в каких не могли бы существовать ни земледельцы, ни охотники. Засушливую степь мог освоить только пастух, но, чтобы выжить там и процветать, кочевник-пастух должен был постоянно совершенствовать свое мастерство, вырабатывать и развивать новые навыки, а также особые нравственные и интеллектуальные качества.

Во-первых, domestикация животных — искусство более высокое, чем domestикация растений, поскольку это победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом. Другими словами, пастух — больший виртуоз, чем земледelec... Номадизм был более выгоден экономически, чем земледелие. Здесь напрашивается определенная параллель с промышленным производством. Если земледelec производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению — кочевник пользуется естественными выпасами, скудная и грубая растительность которых непригодна для человека, но пригодна для животных... Эта непрямая утилизация растительного мира степи через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли... Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость» [14, с. 184—185].

Тойнби останавливается лишь на одном из технологических достижений кочевников, которое стало важным вкладом в развитие цивилизации (а список этих достижений велик — от технологии консервирования молочных продуктов до изобретения кривой сабли, означавшего качественный скачок в военном деле): «Степное общество — это не просто пастухи и стада. Среди домашних животных есть и такие, функции которых существенно отличаются от функции стада парнокопытных — кормить и одевать кочевников. Эти животные — собаки, верблюды, лошади — помогают кочевнику выжить и нужны ему не менее, чем стада. Доместикация этих животных по праву может считаться шедевром номадической цивилизации и ключом к последующему успеху. Без

их помощи номадический рывок был бы невозможен. Человек здесь проявил чудеса изобретательности. Овцу или корову, чтобы они служили человеку, нужно просто приручить, хотя это тоже порой довольно трудно. Собака, верблюд и лошадь, функции которых куда более сложны, требуют не только приручения, но и обучения. Нужно сделать из них помощников человека. Это замечательное достижение номадизма помогло кочевникам не только выжить в степи, но и приспособиться некоторым из них к роли «пастырей» человека» [14, с. 188].

Можно сказать, что судьба России была счастливой: сочетание природных, культурных и психологических качеств населявших ее народов позволили возникнуть симбиозу укладов (охоты, земледелия и кочевого скотоводства) с интенсивным обменом продуктами, технологиями и культурными достижениями. Сегодня не просто стоит вопрос о разрушении этой системы — делается все возможное для натравливания одной части на другую. И инструментом воздействия на российскую интеллигенцию (а через нее — на «среднего» человека) служит евроцентризм.

Миф о человеке экономическом

Любая идеология стремится объяснить и обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает, через апелляцию к естественным законам. «Так устроен мир» и «такова природа человека» — вот конечные аргументы, которые безотказно действуют на обычную публику. Поэтому идеологи тщательно создают модель человека, используя всякий идущий в дело материал: научные сведения, легенды, верования, даже дичайшие предрассудки. Разумеется, для современного человека убедительнее всего звучат фразы, напоминающие смутно знакомые со школьной скамьи научные формулы и изречения великих ученых.

Евроцентризм создал свою антропологическую модель, которая включает в себя несколько мифов. Вначале, в эпоху научной революции и триумфального шествия ньютоновской механической модели мира, эта модель базировалась на метафоре механического атома, подчиняющегося законам Ньютона. Так возникла концепция *индивида*, развитая целым поколением философов и философствующих ученых. Атомистические представления, на-

ходившиеся в «дремлющем» состоянии в тени интеллектуальной истории, были выведены на авансцену именно идеологами — прежде всего, в лице философа XVII в. Пьера Гассенди, «великого реставратора атомизма». Уже затем атомизм был развит естествоиспытателями — Бойлем, Гюйгенсом и Ньютоном. Атом, по Гассенди, — неизменное физическое тело, «неуязвимое для удара и неспособное испытывать никакого воздействия». Атомы «наделены энергией, благодаря которой движутся или постоянно стремятся к движению».

Затем был длительный период биологизации (социал-дарвинизма, затем генетики), когда человеческие существа представлялись животными, находящимися на разной стадии развития, борющимися за существование, причем механизмом естественного отбора была конкуренция. Идолами общества тогда были успешные дельцы капиталистической экономики, self-made man и их биографии «подтверждали видение общества как дарвиновской машины, управляемой принципами естественного отбора, адаптации и борьбы за существование» [25, с. 808].

На деле никакого отношения к естественным процессам этот идеологический миф отношения не имеет. К. Лоренц пишет: «Существует целый ряд доказанных случаев, когда конкуренция между себе подобными, то есть внутривидовой отбор, вызывала очень неблагоприятную специализацию... Мы должны отдавать себе отчет в том, что только профессиональная конкуренция, а не естественная необходимость, заставляет нас работать в ритме, ведущем к инфаркту и нервному срыву. В этом видно, насколько глупа лихорадочная суета западной цивилизации» [29, с. 266].

Сильно идеологизированная школа психологов в США развивала «поведенческие науки» (известные как бихевиоризм), представляющие человека как механическую или кибернетическую систему, детерминированно отвечающую на стимулы внешней среды. А совсем недавно шли большие дебаты вокруг социобиологии — попытки синтеза всех этих моделей, включая современную генетику и эволюционизм, кибернетику и науку о поведении. И хотя все эти течения и научные программы открыли много интересного и поставили важные вопросы, при переносе полученного знания в культуру и в социальную практику оно деформировалось в соответствии с требованиями господствующей

идеологии — как конкретной (например, нацизма, очень заинтересованного в генетике), так и метаидеологии всего западного общества — евроцентризма.

И на всех этапах, разными способами создавался и укреплялся миф о человеке экономическом — *homo economicus*, который создал рыночную экономику и счастлив в ней жить. Для «нерыночного» человека страсть к накоплению, движущая «настоящего» капиталиста, действительно остается загадкой, которой он заинтригован и которую силится разрешить. С детства помнятся разговоры стариков (особенно в деревне) на эту тему, которые всегда заканчивались недоуменными сентенциями вроде: «Ведь двух обедов не съешь» или: «Ведь на тот свет с собой не возьмешь». Лишь сегодня, читая Вебера, психоаналитиков типа Фромма и по-новому вникая в Ветхий Завет, понимаешь, что наши старики и не могли понять западного капиталиста, ибо его мотивация носит иррациональный характер, а чужую метафизику понять нельзя по определению. Но ее полезно знать.

Эта антропологическая модель легитимировала разрушение традиционного общества любого типа и установление нового и очень специфического экономического и социального порядка, при котором становится товаром рабочая сила и каждый человек превращается в торговца. Важнейшими основаниями естественного права в рыночной экономике — в противоположность всем «отставшим» обществам — являются эгоизм людей-«атомов» и их рационализм. Хотя множество исследований, да и обыденный опыт, показывают, что люди стали людьми именно благодаря тому, что преодолевали эгоизм и проявляли альтруизм, далеко выходящий за рамки краткосрочных рациональных расчетов. А что главные мотивы их поведения носят иррациональный характер и связаны с идеалами и движениями души — это мы видим на каждом шагу.

Придание рационализму статуса важнейшего отличительного качества человека западной цивилизации сыграло огромную роль в разрушении традиции — того, что скрепляет общества, основанные на солидарности (и не только с современниками, но и с ушедшими и с будущими поколениями). «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого по-

вода подвергать это сомнению», — писал Декарт. И это было очень привлекательно, так как рационализм освобождал человека от множества норм и запретов, зафиксированных в традициях, преданиях, табу. В то же время это резко упрощало (и обедняло) культуру.

Для формирования «человека организации», необходимого для современной корпорации, и человека с детерминированным поведением (даже если это террорист — важно, чтобы его поведение соответствовало расчетам) большое значение имели мифы, порожденные *бихевиоризмом*. Они сегодня не менее активно, чем мифы социал-дарвинизма, внедряются в общественное сознание в России. Тот успех, который имеет в идеологии индустриализма бихевиоризм — механистическое представление человека как управляемой стимулами машины, К. Лоренц объясняет склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному человечеством вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем... Бихевиоризм доводит его до крайних следствий. Другим мотивом является жажда власти: уверенность, что человеком можно манипулировать посредством дрессировки, основана на стремлении достичь этой цели» [29, с. 143].

Если мы вспомним, в чем обвиняли «совка» демократические средства массовой информации все последние годы, то окажется, что в вину ему вменялось именно несоответствие всем основным мифам о человеке, сложенным в евроцентризме. Уравниловка и архаичный коллективизм, иррациональность поведения и неумение посчитать свою выгоду, неправильная реакция на стимулы, приверженность глупым традициям и предубеждениям. Элита нашего либерального движения сходится на том, что антропологический миф евроцентризма *неприложим* к основной массе населения России. Очень важный и обнадеживающий вывод.

Миф развития через имитацию Запада

Один из центральных мифов евроцентризма гласит, что Запад вырвался вперед благодаря тому, что капитализм создал мощные производительные силы. Остальные общества отстали в своем развитии и теперь вынуждены догонять. Тем, кто слу-

шается учителей, Запад поможет — и в конце концов на земле воцарится (уже воцаряется) либеральный капитализм англосаксонского образца, и настанет (уже настает) «конец истории».

Этот миф эксплуатируется все интенсивнее по мере того, как все более очевидной становится невозможность его осуществления.

На деле не было и нет развития Запада «с опорой на собственные силы», которое «отставшие» страны могли бы взять в качестве примера и воспроизвести на своей почве. Современная западная «цивилизация» с самого начала есть уродливое *сращивание* двух миров, которое из идеологических целей представляется как «развитые» и «развивающиеся» страны. Возникновение этой связи с образованием колоний и, затем, современного капитализма было поворотным пунктом и необратимым событием, предопределившим судьбу «отставших» стран. В своей «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс пишет:

«Общества, которые мы сегодня называем «слаборазвитыми», являются таковыми не в силу своих собственных действий, и было бы ошибочно воображать их внешними или индифферентными по отношению к развитию Запада. Сказать по правде, именно эти общества посредством их прямого или косвенного разрушения в период между XVI и XIX вв. сделали возможным развитие западного мира. Между этими двумя мирами существуют отношения комплементарности (дополнительности). Само развитие с его ненасытными потребностями сделало эти общества такими, какими мы их видим сегодня» [27, с. 296].

«Открыться» Западу означает запустить в свой организм его генетическую матрицу и переваривающие ферменты. Любое общество, которое до этого находилось вне этого симбиоза, при полном втягивании его в «мировую систему рыночной экономики» вынуждено расщепиться и пополнить обе части. В какой из двух комплементарных миров, в какую реальность собираются (и могут) вернуть Россию ее реформаторы?

Приглашение «следовать путем Запада» противоречит исторической реальности. Достаточно упомянуть труды историков Индии и Египта (по понятным причинам малоизвестные в России — они не укладываются в евроцентристскую схему марксизма), показавших, что именно европейские колонизаторы целенаправленно разрушали структуры капитализма, возникавшие в этих странах и весьма сходные с теми структурами, которые сложи-

лись в Японии в результате реформы Мэйдзи (Япония сумела их сохранить, создав «железный занавес»). В Египте эти структуры начали складываться начиная с XIV века, достигли зрелости к началу XIX века и были подорваны экспедицией Наполеона, а затем демонтированы после интервенции европейской коалиции в 1840 г. В Индии капитализм был подавлен, а затем систематически ликвидирован английскими колонизаторами (см. [9]).

Индия в момент прихода колонизаторов была в буквальном смысле рыночной экономикой в масштабе субконтинента. Производство каждой области достигало высокой степени специализации, и сари или какой-нибудь соус, производимый где-то на севере, продавались во всех уголках огромной страны. Существовала густая сеть дорог, по которой непрерывно шли караваны повозок с грузами. Функционировали и крупные ирригационные системы. Англичане вернули Индию к архаической феодальной раздробленности и ликвидации рыночной инфраструктуры.

**Что же касается песенки наших политиков о том, что «за-
граница нам поможет» вернуться в цивилизацию, то пока нет
никаких симптомов того, что Запад действительно собирается
помочь России в формировании структур производительного
капитализма. Скорее, есть обратные признаки.**

В конечном счете утверждение, что все культуры должны воспринять специфический уклад Запада, отражает техноморфное мышление, убеждение в том, что человечество, как *машина*, должно быть построено по наилучшему проекту. Этому противостоит другая идея, согласно которой человечество, подобно любой экосистеме, живо и устойчиво до той поры, пока поддерживается достаточное разнообразие культур и цивилизаций. Сегодня мы видим сознательное и безжалостное уничтожение, под лозунгами евроцентризма, совершенно особой и во многих отношениях замечательной цивилизации России-СССР. А тот же Леви-Стросс предупреждал, что каждая из сохранившихся в мире, после всех войн и колониального разрушения, цивилизаций необходима человечеству: «И если в каком-то определенном плане она кажется застывшей или даже регрессирующей, это не значит, что с какой-то иной точки зрения она не является центром важных изменений» [27, с. 332].

И мы должны с грустью признать, что российская интеллигенция, отказавшись от наследия Достоевского, Менделеева и

Вернадского, в общем, встала под знамена техноморфной идеи. И это как раз в тот момент, когда интеллектуальный ресурс этой идеи практически исчерпан, когда освоение экологического сознания все более и более воспринимается как условие выхода из общего кризиса индустриализма и даже условие выживания человечества.

И от интеллектуальных и душевных усилий интеллигенции во многом зависит сегодня ответ на вопрос: восстановит ли Россия свою траекторию как самостоятельная культура, поддерживающая уже обедненную до критического уровня культурную экосистему, или необратимо будет втянута в процесс «переваривания» сильной и активной сегодня культурой Запада.

Глава 2

ЕВРОЦЕНТРИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА РАСИЗМА

О распространении мироощущения евроцентризма А. Тойнби пишет: «Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом» [7, с. 96].

Искреннее убеждение, что люди иной расы (культуры, религии и т. д.) представляют собой если и не иной биологический вид, то по крайней мере иной подвид — не являются ближними, — было совершенно необходимо европейцу в период колонизации для подавления, обращения в рабство и физического уничтожения местных народов. Расизм настолько пропитал ткань англосаксонской культуры, что даже сегодня, когда он торжественно и официально отвергнут как доктрина, когда принята декларация ЮНЕСКО о расе и тщательно пересмотрены учебные программы, расизм лезет из всех щелей. В 1989 г. вышла книга Донны Харауэй «Представление о приматах: пол, раса и природа в мире современной науки» — монументальный труд, скрупулезно исследующий историю приматологии (науки о человекообразных обезьянах) в XX веке [22]. **Этот предмет оказался исключительно богатым с точки зрения культурологии, ибо обезьяны — «почти люди», находятся с человеком в одном биологическом семействе. Во всех культурах, в том числе европейской, образ обезьяны наполнен глубоким философским и даже мистическим смыслом. Понятия, с которыми подходит к изучению этого объекта ученый,**

отражают скрытые мировоззренческие установки и являются очень красноречивыми метафорами.

Автор отмечает важную деталь: исследование столь нагруженного идеологическими проблемами предмета с самого начала века было исключительной прерогативой белого человека. Попытки даже самых успешных негритянских исследователей в США заняться приматологией отклонялись самым настойчивым образом (ради чего даже шли на выдачу им щедрых субсидий для работы в других областях). Приведем самые простые, «бытовые», мимоходом сделанные Донной Харауэй замечания.

Совсем недавно, в 80-е годы, телевидением и такими престижными журналами, как «*National Geographic*», создан целый эпос о белых женщинах-ученых, которые многие годы живут в Африке, изучая и охраняя животных. Живут в одиночестве, среди дикой природы, их ближайший контакт с миром — в городке за сотню километров. Те помощники-африканцы (в том числе с высшим образованием), которые живут и работают рядом с ними — просто не считаются людьми. Тем более жители деревни, которые снабжают женщин-ученых всем необходимым (в одном случае по вечерам даже должен был приходиться из деревни музыкант и исполнять целый концерт). Африканцы бессознательно и искренне трактуются как часть дикой природы.

И уже совсем, кажется, мелочь — но как она безыскусна: бригады приматологов после трудных полевых сезонов в тропических лесах любят сфотографироваться, а потом поместить снимок в научном журнале, в статье с отчетом об исследовании. Как добрые товарищи, они фотографируются вместе со всеми участниками работы (и часто даже с обезьянами). И в журнале под снимком приводятся полные имена всех белых исследователей, включая студентов (и часто клички обезьян), но почти никогда — имена африканцев, хотя порой они имеют более высокий научный ранг, чем их американские или европейские коллеги. И здесь африканцы — *часть природы*.

После того как в европейском сознании наука заместила религию в качестве носителя не подвергаемой сомнению истины, все варианты расистских идеологий черпают аргументы из научных теорий. И нам сейчас, с высот нашего гуманистического сознания, трудно поверить, что совсем недавно наука всерьез обосновывала деление человечества на подвиды. Приводя выдержки из американских медицинских журналов конца XIX века об ор-

ганических различиях нервной системы цивилизованного и «примитивного» человека, историк медицины Ч. Розенберг отмечает: «С принятием дарвинизма эти гипотетические атрибуты нервной системы цивилизованного человека получили верительную грамоту эволюционизма... Считалось, буквально, что примитивные народы были более примитивными, менее сложными в отношении развития головного мозга». Это естественные плоды атеизма.

Культурный ресурс скрытого расизма моментально мобилизуется, когда белый человек входит в силовое противостояние с теми народами, которые населяют недавние колонии. Малейшие попытки этих народов заявить о своих «общечеловеческих» правах даже сегодня вызывают обиду и возмущение культурного англосакса. Э. Фромм пишет: «Удивительно ли, что агрессивность и насилие продолжают процветать в мире, где большинство лишено свободы, особенно в странах, называемых слаборазвитыми? Быть может те, кто находится у власти, то есть белые, удивлялись и возмущались бы меньше, если бы не были приучены к мысли, что желтые, коричневые и черные не являются в полном смысле людьми и поэтому не должны реагировать, как люди» [7, с. 205].

Когда говорят «расизм», на ум приходят организации белых протестантов вроде ку-клукс-клана или суды Линча. С такими «острыми» примерами трудно обсуждать вопрос. Лучше рассмотрим установки «нормального» среднего человека, лично не способного и мухи обидеть. Вот несколько ситуаций. Помню, в момент «войны в Заливе» политики наперебой твердили: «Кувейт должен быть освобожден любой ценой!» Не будем обращать внимания на абсурдный тоталитаризм формулировки (как это любой ценой? Например, ценой гибели человечества?). Цена выяснилась после «Бури в пустыне», в ходе которой погибло около 300 тыс. жителей Ирака и несколько американцев — от транспортных происшествий. В прессе с гордостью было заявлено, что «благодаря современной технологии цена освобождения Кувейта была очень небольшой». Значит, в концепцию «цены» включается только кровь людей «первого сорта». То есть Цивилизация с абсолютным спокойствием отбрасывает христианское представление о людях как носителях образа Бога и в этом смысле равноценных. Это — шаг к новому мировому порядку (или к войне против него).

Теперь по-другому видятся и иные случаи. Вот Чили. Все мы переживали смерть певца Виктора Хары — я говорю не о нем и двух тысячах его убитых Пиночетом товарищей. Говорю

об оценочных установках среднего европейского демократа. Двадцать лет он проклинал Пиночета — и не желал слышать, что недалеко от Чили, в Гватемале, за 80-е годы было убито 100 тыс. человек, в основном крестьян-индейцев (что для СССР было бы эквивалентно 10 млн. человек). Более того, лидеры Европы включали Гватемалу в число *демократических* стран и с радостью констатировали, что после поимки Норвеги и ухода от власти Пиночета в Латинской Америке осталась одна недемократическая страна — Куба. Держать под арестом пятерых диссидентов и не устраивать многопартийных выборов — более неприемлемо, чем ликвидировать массы крестьян, которые и резолюции ООН прочесть не могут.

Впрочем, и свободные выборы не спасут нацию, которая перестала нравиться Демократии. Так, кровавого палача Анголы Савимби всегда был принимали в Белом доме (в американском) как рыцаря борьбы за свободу. Наконец, состоялись выборы, и Савимби проиграл. Смирился ли он, как сандинисты в Никарагуа? Нет, вооруженный Западом, он устроил Анголе кровавую баню. Послали США свои войска, чтобы наказать его и защитить волю избирателей? Сама идея кажется нелепой. Демократия означает подтверждение гражданами выбора, сделанного где-то в загородных клубах США.

По Москве прошел фильм, «отражающий реальный случай» («Ночной экспресс»). Американский юноша, симпатичный и нежный, культурно провел каникулы в Стамбуле и, уезжая, решил немного подзаработать на контрабанде наркотиков — гашиш в Турции дешев. В аэропорту попался — суд, тюрьма. Полтора часа мы видим, как страдает интеллигентный американец (и еще пара европейцев, таких же контрабандистов-неудачников) в турецкой тюрьме. Просто начинаешь ненавидеть эти восточные страны, даже ставшие членами НАТО. Кончается фильм счастливо — юноша удачно убивает турка-надзирателя, надевает его форму, убегает из тюрьмы и возвращается в любимый университет, к любящим отцу и невесте. Фильм сделан так, что симпатии зрителя безоговорочно на стороне американца, ибо как же можно ему быть в такой плохой тюрьме. Как же можно его бить по пяткам! И приходится сделать большое усилие, чтобы упорядочить факты, подставив на место американца в турецкой тюрьме — турка в американской. Представляете: турок, схваченный с контрабандой наркотиков,

убивает американского офицера и убегает. Да вся Америка встанет на дыбы и потребует ракетного удара по Стамбулу.

Человеческий род, как никогда раньше, разделен на подвиды и группы. И жизнь представителя каждой группы имеет цену, вычисленную неизвестно в каких кабинетах. Действительно, как сказал философ, сформировалась цивилизация, которая «знает цену всего и не знает ценности ничего». И никогда раньше цена жизни так не различалась.

Э. Фромм, изучая психологические установки американских солдат во Вьетнаме и пытаясь понять истоки деструктивного поведения человека, даже удивляется той степени, которой может достигнуть расизм в современном человеке: «Разрушение представлений о противнике как человеческом существе достигает предела, когда противником является человек с иным цветом кожи. Во время войны во Вьетнаме было достаточно примеров того, как многие американские солдаты утрачивали ощущение того, что вьетнамцы принадлежат к человеческому роду. Из обихода было даже выведено слово «убивать» и говорилось «устраивать» или «вычищать» (*wasting*)» [7, с. 132].

И если расизмом наполнены лучшие фильмы даже последних лет, то что же говорить о лавине второстепенных фильмов, которые стирают последние следы гуманизма в сознании. В них (уже не во время войны, а сегодня) вьетнамцы представлены преступными и отталкивающими животными (кстати, смешно сказать, в большинстве случаев очень толстыми). И они уже не идеологические враги, а враждебный Западу *этнос*. Ибо из фильмов полностью исчезли «хорошие» вьетнамцы, союзники белого человека. Сегодняшний подросток, когда вырастет, будет уверен, что США вынуждены были защищать Демократию против всего Вьетнама в целом.

И это — не преходящая вещь, эта Демократия формировалась последние четыре века, а предпосылки созревали много раньше. Поэтому смешно говорить, будто Германия Гитлера не была частью Демократии, а Германия Шредера — да. Тогда это была бы не Демократия, а дрянь какая-то. Напротив, тяжелый припадок немецкого фашизма только и мог произойти в лоне Демократии и красноречиво высвечивает ее генотип. Это была болезнь, аномалия — как случаются болезни и припадки (например, эпилепсии) в людях. Напротив, ослы не болеют

эпилепсией, у них другие болезни. Фашизм был как раз болезненным припадком группового инстинкта, силой культуры вырванного из существа западного атомизированного человека. **Человек солидарный традиционного общества (кое-кому нравится сравнивать его с ослом) не испытывает этой тоски и не может страдать этой болезнью.**

Вспомним первый год немецкого вторжения. Тогда советским людям, размягченным прекрасной сказкой о пролетарском интернационализме, стоило огромных трудов поверить в то, что идет война на уничтожение нации. Они кричали из окопов: «Немецкие рабочие, не стреляйте! Мы ваши братья по классу!» И большое значение для перемены мышления имело мелкое, почти вульгарное обстоятельство: из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немецкие солдаты, не стесняясь, моются голыми и даже отправляют свои надобности при русских и украинских женщинах. Не из хулиганства и не от невоспитанности, а просто потому, что не считают их вполне за людей.

Скрытый расизм так глубоко проник в подсознание «нордического человека», что даже по отношению к своим сожителям по «общему европейскому дому» он нередко ведет себя хамски, сам того не замечая. Вот мелкое проявление, замечательное своей искренностью. В 1993 году в Испании состоялся Международный конгресс по истории науки. Официальными языками конгресса были английский, французский и испанский. Программа была составлена так, что докладчики, выступающие на испанском языке (а их было более трети), шли один за другим, чтобы не знающие этого языка участники могли в это время пойти на другие заседания. Я вел секцию вместе с немцем, прекрасным человеком, работающим в Испании. После блока докладов в аудитории остались только испанцы и латиноамериканцы, и я предложил провести дискуссию на испанском языке. Мой напарник согласился. «Только, — говорит, — я должен спросить аудиторию, нет ли в ней персоны, не говорящей на испанском языке. Если есть, мы должны вести разговор на английском или французском». Так и спросил аудиторию и совершенно не понял, почему два старика-мексиканца стали вдруг размахивать кулаками и что-то кричать из зала.

Глава 3

ЕВРОЦЕНТРИЗМ И ОПРАВДАНИЕ ДВОЙНОЙ МОРАЛИ

Свойственная рациональному мышлению европейца замена ценности ценой находит крайнее выражение, когда речь идет о цене жизни и обнажается расистская сущность евроцентризма. Нечего и говорить, что на этом фоне уже никого не удивляет использование двойных стандартов права и этики в отношении разных категорий людей. Границы этих категорий становятся еще более гибкими, чем в случае расизма. Так, во время холодной войны, и особенно в радостные дни «праздника победы», из числа людей, защищенных нормами права, этики и здравого смысла, были исключены *побежденные*.

При этом пропасть между Цивилизацией и остальным человечеством (которое, видимо, все причисляется к «побежденным») расширяется скачками с каждой новой преднамеренной демонстрацией Западом того факта, что его разрыв с традиционной этикой является необратимым. Со стороны даже кажется, что идеологи Демократии специально создают скандально странные ситуации, чтобы объединить своих подданных узами абсурда («верую, ибо абсурдно»).

Отвезли в суд бывшего президента ГДР Хонеккера, поскольку во время его правления солдат заставляли выполнять Закон о границе. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности этого закона? Нет, закон вполне нормальный. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности самого Хонеккера как руководителя государства? Нет, никто не сомневался — везде его принимали как суверена, воздавая во всех столицах установленные почести. Также никто не сомневался, что юноши, рискующие жизнью на Берлинской

стене вместо того, чтобы идти уговоренным негласно путем через Болгарию, Югославию и Австрию, делали это исключительно из политических соображений и меняли свою жизнь на идеологические выигрыши Запада.

Судили Хонеккера по законам другой страны (ФРГ), что никто даже не попытался объяснить. Представьте этот прецедент приложенным к любому другому случаю! Клинтон изменил жене с Моникой Левински, и его за это похищают спецслужбы Саудовской Аравии и отрубают голову на площади Эр-Рияда — так там наказывается адюльтер.

Но это еще не самое странное. Главное, что говорят, будто стрелять в людей, которые пересекают границу в неустановленном месте без документов, — это преступление. И если это случается, то Демократия считает себя обязанной захватить руководителя (или экс-руководителя) такого государства, где бы они ни находился, и отправить его в тюрьму. Ах, так? И когда же поведут в тюрьму мадам Тэтчер? Во время ее мандата на границе Гибралтара застрелили сотни человек, которые хотели абсолютно того же — пересечь границу без документов.

Когда начнется суд над г-ном Бушем? Ради соблюдения священных законов о границе США каждую осень вдоль Рио-Гранде звучат выстрелы, и, получив законную пулю, тонут «мокрые спины». Чего желали эти люди, кроме как незаконно пересечь границу ради чего-то привлекательного, что было за ней? В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? Разница только в том, что сегодня сила в руках Буша и Тэтчер. **И мы вынуждены констатировать: демократия, замешанная на евроцентризме, означает циничное утверждение права сильного.**

Опыт показывает, что в применении к людям «низших категорий» перестают действовать понятия, казалось бы, вошедшие в плоть и кровь западного демократа. Меня поразило, например, что даже те, кто был возмущен интервенцией США в Панаму, не заметил несурзанности объяснения американской администрации: надо было доставить в суд преступника Норвегу. Забудем даже о семи тысячах невинно погибших при этом панамцев, предположим, что гораздо важнее не дать уйти одному преступнику. Но ведь формулировка абсурдна, если считать, что презумпция невиновности является общезначимой для демократов нормой. Что значит «доставить преступника в суд», если только суд может назвать человека преступником, а до этого он — лишь

подозреваемый? Администрации США, конечно, ничего не стоило бы сначала организовать суд, доказать виновность Норвеги, а затем ловить его уже в соответствии с решением суда. Но к чему эти формальности, если в западной демократии, мнение которой только и важно, никому и в голову не придет прилагать презумпцию невиновности к панамцам?

Общей и характерной чертой евроцентризма стала исключительная легкость обвинения людей, политических движений, целых наций, не входящих в число *своих*. Абсолютно никого при этом не интересуют даже мифические обоснования, не говоря уже о каких-то доказательствах. Я при этом не вдаюсь в вопрос о том, справедливы ли обвинения — речь идет об общей ликвидации презумпции невиновности по отношению к «чужим», то есть об узаконенной двойной морали.

Помню, как легко было принято предложенное прессой объяснение причин политического кризиса в СССР: бюрократия яростно борется за сохранение старого режима, чтобы не потерять свои огромные привилегии. У многих испанских коллег я спрашивал, какими привилегиями, на их взгляд, обладают бюрократы в СССР? Какие льготы получают ставшие бюрократами рабочий, инженер, учитель и т. д., чтобы таким решительным образом повлиять на их сознание? Мне не только никто не дал связного ответа, но и сам этот вопрос ставил в тупик — над ним никто не задумывался. Пресса даже не потрудилась составить пусть мифическую, но мало-мальски связную аргументацию своей модели, для которой советская действительность дает богатый материал. Этот даже небольшой труд по убеждению читателя или телезрителя был излишен. Действует безоговорочное *право сильного*.

И это право сильного очень отличается от того, что бывало в прошлом, так как порывает со здравым смыслом и значением слов, к которому привыкли мы, подданные тысячелетних тираний. **В известном смысле эти тираннии, в противоположность Демократии, как раз и были правовыми государствами, потому что ясно излагали правила игры и значение каждого понятия. Ведь дело не в том, имею ли я много или мало прав, а в том, что я их интерпретирую так же, как тиран. Сегодня политики постоянно меняют смысл слов и правила игры в зависимости от конъюнктуры.** А для объяснений с публикой имеют целую рать профессоров. Когда Саддам Хуссейн в январе 1993 г. бросил ООН нестерпимый вызов, попросив, чтобы самолеты с экспертами

пролетали в Ирак со стороны Иордании, а не с юга, виднейший правовед из Мадридского университета объяснял радиослушателям, почему Ирак за это должен был быть немедленно подвергнут бомбардировке. Конечно, такого объяснения не понадобилось бы, не будь рядом Израиля, который преспокойно нарушает все резолюции ООН.

Для профессора все было очень просто. Да, Израиль оккупирует чужие территории, стоняет с земли арабских крестьян (и время от времени их подстреливает, если надоедают). Но не может международное сообщество оказывать на Израиль давление и сравнивать с тиранией Хусейна, поскольку Израиль является правовым государством! Согнанный арабский крестьянин, если его сосед-демократ промахнулся, должен обратиться в суд, а суд в Израиле очень хороший. Это говорится с вершины университетской кафедры, со всем авторитетом Науки. Но это значит, что целые категории личностей вообще выпали из права — оно теперь занято оценкой права на агрессию. Этому можно, а этому нельзя — он плохой. Если бы Демократия заботилась о правах личности, ставшей жертвой вооруженного соседа, ей были бы безразличны качества агрессора.

Интересна статья, опубликованная М. С. Горбачевым в европейской прессе после ракетного удара по Багдаду в июле 1993 г. [8]. Горбачев мягко упрекает президента Клинтона, «совершившего ошибку», которая может усложнить судьбоносный процесс установления нового мирового порядка под лидерством США. Ах, ну зачем вы так сделали! — упрекает Горбачев бравого президента. — Ну почему было не провести это решение через ООН, никто бы вам не отказал. Так и говорит: «Ведь можно же было... в конце концов осуществить акцию на основе процесса коллективного и легитимного принятия решения. Тогда престиж США в мире только бы вырос». Поборник нового мышления просит убивать людей легитимно, иначе он огорчается. А если легитимно — то с нашим удовольствием, ведь «совершенно справедливо Соединенные Штаты были тогда (в 1991 г.) поддержаны всем международным сообществом».

«Ведь можно было бы, и это долг всех заинтересованных сторон, повторить положительный опыт, полученный при ответе на агрессию Саддама Хусейна в 1991 году» — жалуется Горбачев. Этот «положительный опыт» он квалифицирует как «наказание, решение о котором было принято коллективно и законно».

Горбачев торжественно называет такой миропорядок «империей международного права», которая создается под лидерством США. Да когда же это ООН давала разрешение на *наказание* (а не на *отпор агрессии*, что совершенно не одно и то же)? И в каком международном праве определено, сколько надо убить мирных жителей и разрушить водокачек, чтобы наказать нехорошего политика?

И это говорится уже после того, как широко обнародованы результаты комиссии медиков Гарвардского университета, учававшей в сентябре 1991 г. последствия бомбардировок Ирака. В результате «наказания» Ирака смертность детей в возрасте до пяти лет возросла на 380%, и более 100 тыс. детей должны были умереть непосредственно после работы комиссии из-за отсутствия детского питания (были уже необратимо «подготовлены» к смерти). В результате разрушения инфраструктуры (водопроводов, электростанций, мостов и т. д.) в 1991 г. умерло, по подсчетам гарвардских медиков, 170 тыс. детей. Комиссия ООН отчитывалась перед своим генсеком: «Ирак на долгие годы возвращен в доиндустриальную эру, но с грузом всех проблем постиндустриальной зависимости от обеспечения энергией и технологией». Таков «положительный опыт», высоко оцененный лауреатом Нобелевской премии мира.

В этой статье Горбачева отразилась вся суть евроцентризма — идеологии, которую взяли на вооружение наши реформаторы. Новые политические реформаторы подражают старым протестантским. Кучка «развитых» стран, основываясь на праве сильного, проводит политику, полностью подчиненную ими же установленным нормам и начисто лишенную этики — это называется «правовое сознание». Ты проведи решение, как полагается, через ООН — и уничтожай хоть полмира. Вопрос, *морально* ли это, вообще не стоит, речь идет лишь о соблюдении процедур. В приложении к отдельной стране это называется «государство принятия решений» — технократическая альтернатива демократии.

Но если средний демократ еще испытал некоторое неудобство от разрушительных бомбардировок Ирака в качестве «наказания», то установленное в августе 1990 г. тотальное эмбарго на торговлю с Ираком не вызвало абсолютно никакого возражения. А ведь это — еще более многозначительный шаг. Но интеллигент-евроцентрист делает вид, что не понимает. Попытаемся объяснить, исходя из совершенно очевидных положений. Так, общепринято, что в

Ираке установлен тоталитарный режим, диктатура. Ирак — не Дания и даже не Греция, и население там не имеет ни прав, ни навыков, ни механизмов, чтобы навязать свою волю политикам Багдада. Но если это так, то население не несет и ответственности за действия верхушки режима. И, согласно самой простой логике, наказывать иракского крестьянина, убивая его ребенка голодом, означает брать этого крестьянина заложником и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу, а во времена моего детства и по отношению к советским гражданам рассматривались как военное преступление, и те, кто отдавал приказы о таких действиях, пошли на виселицу. Времена переменялись? Ведь сегодня, по отношению к иракскому крестьянину это называется «механизмом международного права». Сколько детей-заложников казнено под аплодисменты европейских гуманистов, можно узнать из доклада экспертов из Гарвардского университета.

Изменением огромной важности было то, что Запад перестал удовлетворяться просто победой над традиционными обществами. Он отбросил и принятую ранее *этику победы*. Этику, которая была необходима для выживания и эволюции человека как биологического вида, была, видимо, включена не только в его культуру, но и в филогенетические структуры. Она обязывала не только уважать, но даже преувеличивать воинскую силу побежденного неприятеля. Было разрешено гордиться лишь победой, которая досталась дорого, и на триумфальном параде победитель должен был демонстрировать свои раны и шрамы. Что же мы видим сегодня? Причиной ликования становится «подавляющее превосходство США» — над Югославией, Афганистаном, Ираком. Но о таких вещах молчат, это «постыдные» победы, ненормально гордиться карательной экспедицией. Правда, в Ираке победители увязли, но признаков изменения в сознании не видно.

Сходный момент Европа пережила в момент колониального экстаза. В 1898 г. близ Хартума отряд англичан, вооруженных пулеметами «максим», уничтожил 11 тыс. воинов-махдистов. Потери англичан составили 21 человек. Свидетели вспоминают, что это напоминало не бой, а казнь. Поражает, что до сих пор исторические книги представляют это как большую победу европейской цивилизации. Казалось, однако, что эта гордость ушла в прошлое — ан нет.

Здравый смысл говорит также, что побежденному надо оставлять некоторый интервал свободы. Это знает любой отец, который заставляет ребенка подчиниться и делает вид, что не замечает, как тот, чтобы компенсировать свое поражение, производит в отместку маленький мятеж. Но отец-садист, наоборот, будет провоцировать ребенка на все большее неподчинение, чтобы «с полным основанием» разрушить его личность. Во времена тоталитарного режима в СССР я ходил в «народную дружину» и, как правило, оставался читать в отделении милиции, служа свидетелем и понятым. Меня удивляло, что задержанным пьяницам позволяли действительно бушевать: кричать, кидать стулья, оскорблять милиционеров. А эти посмеивались и старались успокоить «клиентов» (иногда и тряхнув за шиворот, очень редко, строго отмерив силу). Один старый милиционер мне объяснил: «Понимаешь, если я ему не дам излить то, что у него накипело из-за того, что его забрали, он может от злости помереть или завтра, когда выйдет, наделает беды. Наказывать его таким образом мы не имеем права. Есть в милиции типы, которые так делают, но это мерзавцы». Да, милиционеры, которые так делают, — мерзавцы. А президенты великих держав Запада и их почитатели?

Примерно в то же время, когда бомбили Ирак в 1991 г., Цивилизация дала еще более красноречивый урок. Морские пехотинцы, которые «возвратили надежду» Сомали, разрядили свое оружие против группы «партизан» в Могадишо. Тогда, в январе, никто даже не выяснял, против какой группы. В конце концов, какая разница? Диктор телевидения (в Европе оно почти не различается от одной страны к другой) сказал с гордостью, что «огневое превосходство американских войск было подавляющим». На деле «партизаны» не осмелились произвести ни одного выстрела и тут же подняли белую тряпку — благородная акция с начала до конца записывалась на пленку (это только в июле сомалийцы стали камнями забивать телерепортеров, снимающих такие акции). И мы видим на экране, как гиганты из морской пехоты ведут плененных противников — нескольких дистрофиков, некоторых на костылях. И, как последняя нота этому гимну Демократии, диктор добавляет, с тонкой иронией: «Похоже, что сомалийцам не понравилась атака американских войск, ибо голодающие дети стали кидать камни в грузовики, везущие им гуманитарную помощь». И образ детей-скелетов, из последних

сил кидающих камешки в мощные грузовики «US Army», везущие им еду, — исчерпывающая характеристика этой Цивилизации.

Повторим вновь, что двойные стандарты морали все более жестко применяются ко всем этническим, культурным и идеологическим группам, которые включаются в число «чистых» или исключаются из их числа.

Был «чистый» эксперимент по измерению влияния «качества» человека на цену его жизни. Вот как западная пресса излагала события в Румынии в июне 1990 г. На выборах, признанных на Западе «свободными и демократическими», победил Фронт национального спасения и кандидат в президенты Илиеску. Демократическая оппозиция, однако, потребовала отставки правительства и запрещения бывшим коммунистам (в том числе Илиеску) занимать государственные посты. До этого она несколько месяцев проводила демонстрации в Оговоренном месте — на Университетской площади. Теперь студенты вышли в город, захватили здания телевидения и МВД, архив, несколько полицейских участков, сожгли несколько автобусов и грузовиков. Полиция проявила нерешительность (что естественно после того, как недавно в течение нескольких месяцев вылавливали солдат госбезопасности). Илиеску вызвал шахтеров, которые приехали с дубинками, разогнали и избили демонстрантов. В ходе волнений погибло шесть человек. Как пишут газеты, «весь мир содрогнулся» от таких репрессий, и США прекратили экономическую помощь Румынии.

Прошло немного времени, и эксперимент повторился в еще более чистом виде. Уже совсем недалеко от Бухареста, в Молдавии было учреждено, согласно плану расчленения СССР, движение радикальных сепаратистов, возглавить которое было поручено первому секретарю КП МССР Мирче Снегуру. Ему же пришлось быть и президентом. Он заявил о желании присоединиться к Румынии, чему воспротивилось население восточной части. Чтобы помочь Снегуру, Ельцин вручает ему оружие расквартированной в Молдавии Советской армии, включая современную авиацию и ракетные системы «Ураган». И в июне 1992 года, в ночь школьных балов и белых платьев, по официальному приказу президента, **зачитанному по телевидению**, наносится ракетный удар по Бендерам — городу в полусотне километров от Кишинева. Результат — шестьсот убитых и 160 тыс. беженцев. Затем новорожденные молдавские предприниматели грузят на грузовики и платформы, предоставленные демократическим правительством,

готовую продукцию, сырье и станки предприятий Бендер и отправляют на запад Молдавии — да здравствует рыночная экономика! Магазины тоже очищаются героями борьбы с тоталитаризмом.

Любопытно, что повсюду в побежденных обществах современная демократия приходит под ручку с преступностью. В Грузии воины демократа Шеварднадзе, большие энтузиасты частной собственности, проявили те же повадки, что и рыцари Снегура. Когда штурмом был взят Сухуми, Шеварднадзе дал своим войскам три дня на разграбление («и ни часу больше!»). Прибыли платформы, погрузили на них машины с улиц и стоянок и увезли в Тбилиси. Со смешанным чувством слушал я рассказы грузинских интеллигентов о том, как в их квартирах в Сухуми выламывали паркет и как они лезли с чемоданами на пароходы, чтобы найти защиты у «кованого сапога» еще советского солдата в Сочи.

Какова была реакция на события в Бендерах западной демократии, среднего европейского интеллектуала? *Никакой*. Они не придали этому никакого значения. Но почему же? Среди погибших в Бендерах было много студентов и даже румын. Один снаряд попал прямо в школу, во время бала, и погреб целый курс в парадных костюмах. Почему такое странное единодушие почти тысячи зарубежных журналистов, аккредитованных в Москве, которые не проявили никакого интереса ни к видеозаписям, ни к записи исторического людоедского приказа президента Снегура? Давайте сравним оба случая.

В Бухаресте избили палками политических противников, которые только что сожгли Министерство внутренних дел и здание телевидения. В Молдавии, не разбираясь в политической принадлежности жертв, пустили ракеты против мирного города — против людей, которым и в голову не могло прийти поджечь что-либо в Кишиневе. Единственная их вина была в том, что большая часть взрослого населения «неправильно» проголосовала во время референдума о сохранении СССР. Но какова разница в цене жизни даже этнически и социально вполне равноценных персон!

Фридрих фон Хайек, блестящий теоретик рыночной экономики, сказал в 1984 г. в Гамбурге, что для существования либерального общества необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, среди которых он особенно выделил инстинкт солидарности и сострадания. Этот философ

выявил все величие либерального проекта — превратить человека в *новый биологический вид*. То, о чем мечтал Фридрих Ницше, создавая образ сверхчеловека, находящегося «по ту сторону добра и зла», пытаются сделать реальностью. Об этой новой воистину сатанинской идеологии и говорит Апокалипсис, как о приближающемся конце Мира.

Небольшая раса тех, кто сумеет вырвать из своего сердца и души некоторые инстинкты и культурные табу, составит «золотой миллиард», который с полным правом подчинит себе низшие расы. Автоматически будет устранен и инстинктивный запрет на убийство ближнего, ибо принадлежащие к иному виду — уже не ближние. Для большего спокойствия их можно будет одевать особым образом или даже внедрить им какой-нибудь ген, безобидным образом меняющий внешность, например, форму ушей. И все это — под знаменем Демократии, при поддержке ума и души интеллигенции.

Глава 4

ЕВРОЦЕНТРИЗМ И ВНЕИСТОРИЧНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ

Внедрять в общественное сознание упрощенные доктрины удается потому, что массовая культура среднего класса на Западе оказалась полностью лишенной исторической памяти. Когда слышишь, как немецкие или итальянские интеллектуалы в теледебатах утверждают, что население России «не освоило вечных ценностей свободы и демократии», удивляешься: где воспитывались эти люди? Знают ли они жизнь своих отцов, всего-навсего предыдущего поколения своей страны? Какие вечные ценности господствовали в Германии, обожавшей Гитлера, или в Италии Муссолини? А давно ли кончали самоубийством жертвы маккартизма в Голливуде?

Странным образом эта внеисторичность мышления сочетается с «мифом эволюционизма». При взгляде через призму евроцентризма выходит, что Запад идет «правильным» путем от рабства к высшей форме демократии, а остальные нации тычутся, как слепые котята, и поэтому отстали. Но и Запад, и эти нации взяты в виде их сегодняшних моментальных фотографий, как нечто застывшее. Евроцентрист искренне удивится, если ему напомнить, что совсем недавно, в XIX веке, в старой доброй Англии существовали совершенно зверские законы, по которым смертной казнью карались 220 видов преступлений, этого не было ни в одной восточной тирании. Человека казнили за кражу из лавки в размере 5 фунтов стерлингов и больше. В Ньюпорте в 1814 г. за кражу повесили мальчика 14 лет. Женщин в Англии сжигали вплоть до 1789 г., а в США и того позже.

А скандал, правда, сразу замятый, уже 1990 года — когда выпустили, наконец, из тюрьмы просидевших невинно 12 лет шестерых человек, у которых *под пытками* вырвали признание в несовершенном преступлении. А что сказать о Франции, которая всего 30 лет назад ушла из Алжира — почти европейской страны, оставив позади, по разным оценкам, от 0,5 до 1,5 млн. трупов (при тогдашнем населении Алжира 10 млн. человек)? Жестокость карательных экспедиций французов в Алжире, которыми руководили лично нынешние демократы, кажется совершенно невероятной. Но все это для европейца-демократа — седа история. А вот СССР был тиранией, ибо Сталин в 1937 году... и т. д.

При этом отсутствие исторической памяти у либералов (как западных, так и наших собственных) доходит до такой степени, что кажется чем-то сверхъестественным. Они забывают свои собственные страсти, которые в них кипели еще вчера. Совсем недавно тема сталинских репрессий не сходила с уст и экранов. Назывались самые фантастические цифры — доходило уже и до ста миллионов расстрелянных. Весь мир с нетерпением ждал, когда же раскроются страшные архивы КГБ — и вот тогда... Требовали опубликовать данные ГУЛАГа. Раскрылись архивы КГБ — и полнейшее равнодушие. Люди забыли и саму тему, и свой собственный интерес к ней.

Немногие западные философы упрекают либералов в том, что они замалчивают известный исторический факт: советский народ в условиях тотализирующего сталинизма смог разбить гитлеровский тоталитаризм, реально угрожавший цивилизации. Российские либералы-евроцентристы идут гораздо дальше американских. Исходя из принципа «Запад всегда прав», они уже доходят практически до полного оправдания гитлеризма. Так, Исаак Фридберг в большой статье «Драматургия истории: опасность всегда исходила только с Востока» переживает трагедию нордических защитников демократии: «Финансирование национал-социализма было трагической попыткой Запада защититься от российской экспансии в коммунистической оболочке... Вторая мировая война с ее чудовищными, трагическими потерями для славянских, немецкого и еврейского этносов была следствием ошибочной российской внешнеполитической доктрины» [6].

Примечательно, что корни трагедии Запада Фридберг видит не в фашизме как порождении самого Запада, а в экспансии России. При этом наши либералы так обращаются с историей, что каждый раз недоумеваешь: то ли их самих ослепила идеология, то ли они надеются ловко одурачить читателя? В последние годы одна из главных тем евроцентристской песенки в России — создание образа исторического и вечного врага России в лице Востока. В мягкой форме этим занимался уже Илья Эренбург. В 90-е годы плодovито работал В. Кантор, а иногда тоненьким голоском подпевали и демократы вроде Валерии Новодворской. Она по установленной схеме оплакивает Россию, которую погубили православие (Византия) и татары: «Нас похоронили не под Нарвой, не на поле Куликовом. Нас похоронили при Калке. Нас похоронили в Золотой Орде. Нас похоронила Византия, и геополитика нас отпела».

Вот и Исаак Фридберг вещает: «Никогда, за всю историю России, Запад не стремился к уничтожению Российского государства... На всем обозримом историческом пространстве угроза существованию России всегда приходила только с Востока».

Это — пример лжи, замаскированной примитивными трюками. С Востока к нам шли в XIII веке монголы, которые в принципе отвергали идею разрушения местных социальных и религиозных структур, ибо жили благодаря симбиозу с ними, получая дань. Этот вопрос достаточно хорошо изучен (и здесь сходятся такие разные историки, как Тойнби и Гумилев). Посмотрим на Запад. Стремилась ли тевтоны к уничтожению русской государственности? Наверное, нет. В любом нашествии практически всегда речь идет о *трансформации* чужого государства, его реальном подчинении путем внедрения своей информационно-культурной матрицы, выгодного себе механизма формирования новой национальной элиты — по типу того, как вирус трансформирует клетку, внедряя свою молекулу нуклеиновой кислоты. Тевтоны хотели расчленить прото-Россию, обратить, насколько можно, в католичество, внедрить «западный» тип земельной собственности (сегодня российские либералы чуть не плачут из-за того, что миссия тевтонов не удалась). И это был бы тип трансформации, несовместимый с жизнью русского этноса, — потому-то

Александр Невский и поехал в Орду брататься с сыном Батые и дал бой тевтонам. Потому-то он и стал святым русской земли.

Пойдем дальше по «обозримому историческому пространству». Стремилась ли поляки с Тушинским вором уничтожить Российское государство? Наверняка они свою цель так не формулировали. Хотели посадить на престол своего ставленника, пограбить и превратить куски распавшейся России в своих вассалов — только и всего. А чего хотели Наполеон или Гитлер? Да только изменить генотип России. Ну, Гитлер жестче — с уничтожением ряда крупных городов и значительной части славянского населения (и, если забыл г-н Фридберг, с полным истреблением евреев, составляющих часть России). Ну разве это можно считать угрозой с Запада?

А чего хотят сегодня наши друзья с Запада, которые, по мнению Фридберга, всегда заботились о процветании России и «оказывали ей массивную помощь»? Дадим слово эксперту — Збигневу Бжезинскому. В момент встречи «семерки» (июль 1993 г.) он выступил в европейской прессе с советами о том, как надо «помогать России». Вот его общее указание: «Программа западной помощи должна быть подчинена четкому определению собственных геополитических интересов Запада в преобразовании бывшего Советского Союза». Как же следует заботиться об интересах Запада и как надо преобразовывать СССР? Грубо говоря, отрывая республики СССР от России и отрывая периферию России от ее ядра: «Запад должен не проявлять колебаний и заявить совершенно открыто, что именно установление нового геополитического плюрализма в пространстве, которое ранее занимал Советский Союз, является одной из главных целей политики западной помощи. Это совершенно ясно означает, что Запад не должен позволить, чтобы Кремль принял на себя какую-то особую политическую роль в этом пространстве, на что он в последнее время высказывал претензии».

Вот вам и «возрождение России» вместе с ее «суверенитетом». Бывший советник Картера перечисляет меры, на которых в России «должны в приоритетном порядке сосредоточиться ее западные друзья». Среди них «все сметающая на своем пути (crushing) децентрализация государственных структур России,

благодаря чему периферийные регионы легко превратятся во внешние, но соседние области экономического процветания». Здесь наш «западный друг» использует удачный опыт по расчленению арабских стран с выделением «зон экономического процветания», контролируемых западными друзьями. Так в свое время из Ирака был выделен Кувейт. Результаты, как говорится, на лице.

Особое значение американский «архитектор перестройки» придает Украине, которую надо обязательно отвлечь от восстановления исторических связей с Россией. Главный инструмент — разрыв еще не окончательно разорванной экономической ткани. «Запад должен понимать, — диктует профессор, — что бывший Советский Союз создал единое экономическое пространство, основанное на монопольной взаимозависимости».

Как разумный американец, Бжезинский понимает, что разорвать такое пространство — дороговато выйдет. Он требует взаимопомощи, «определенного разделения труда» в свежавании СССР: «Японии больше сосредоточиться на Дальнем Востоке России и в республиках Средней Азии, Германии приложить особые усилия на Украине, а также в западных областях России (то есть в Санкт-Петербурге), а Соединенным Штатам, помимо кооперации с Россией, в ее проектах реформы развивать совместные проекты с некоторыми ключевыми нерусскими государствами (такими как Украина и Казахстан)».

Ну что нового во всем этом? Застарелый страх перед Россией как особой целостностью, ненависть к ней и стремление эту целостность разрушить. И раньше таких теоретиков было на Западе хоть пруд пруди. **А новое то, что раньше они не были желанными гостями московской интеллигенции, и их планы не пересказывались внутри России виднейшими представителями ее интеллектуальной элиты и «совести», и проводники этих идей не становились ректорами всяких гуманитарных и прочих университетов.**

Внеисторичность мышления приводит к тому, что человек теряет способность поместить события в систему координат, «привязанную» к каким-то жестким, абсолютным стандартам. Все становится относительным и взвешивается с какими-то резиновыми гириями неизвестного веса. Общепринято, напри-

мер, что павшие в 1989—1990 гг. режимы ГДР, Чехословакии и Венгрии были «тоталитарными и репрессивными диктатурами». Эти понятия предполагают, что в стране задушена несогласная с официальной идеологией общественная мысль, а угрожающие режиму действия оппозиции жестоко подавляются. Как же согласуется это с тем очевидным фактом, что на политической арене этих стран действуют охватывающие большие группы населения и давно оформившиеся идеологические течения?

И какими репрессиями против оппозиции пытались защитить себя эти режимы? Очевидцы «бархатной революции» в Праге говорят, что количество ударов дубинками было таково, что на Западе это вообще не считалось бы заслуживающим внимания инцидентом. При демонстрации против нового налога Тэтчер в Лондоне побитых было в сотни раз больше. Но общественное сознание чехов, воспитанное в условиях «репрессивной диктатуры», таково, что бывший министр внутренних дел отдан за эти удары под суд. Получается, что если принять единое определение «репрессивной диктатуры», отталкиваясь от реальности Чехословакии, многие уважаемые государства рыночной экономики предстанут просто как кровавые режимы.

Вообще осмысление событий в Чехословакии дает огромный материал. Вторжение 1968 г. сплотило либеральных интеллигентов (в отношении них, можно сказать, реализовался лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Фактически тогда и началась перестройка в СССР. Но вспомним, против чего возмущались тогда либералы московских кухонь. Против того, что Брежнев раздавил романтическую попытку обновления социализма. Если бы в тот момент кому-то сказали, что конечной целью «пражской весны» является вовсе не социализм с человеческим лицом, а реставрация капитализма и развал социалистического лагеря, многие из тогдашних неконформистов пошли бы добровольцами в войска Варшавского договора.

Но ведь в 1990 г. миф о «пражской весне» рухнул. Улыбающийся Дубчек с удовольствием сидел в антикоммунистическом парламенте и штамповал законы о возвращении фабрик бывшим владельцам-эмигрантам. Кто же был прав в оценке сути событий — Брежнев или пылкий «коммунист-демократ»? (Мы не обсуждаем, правильные ли средства выбрал Брежнев, ибо спор

был не о средствах, а именно о трактовке всего пражского проекта.) Но ни один из этих демократов не сказал сегодня: да, я обманулся относительно «обновителей социализма», и мне сегодня стыдно моей наивности. Или: да, целью пражской весны было вовсе не обновление социализма, но и я только притворялся социалистом, и из КПСС меня вычистили, в общем, правильно. Нет, и «обновители» оказались антисоциалистами, и миф остался незамутненным.

В начале 90-х годов, когда и социализм был демонтирован, и самой Чехословакии уже не существовало, я с интересом смог поговорить с некоторыми чехами, и эти разговоры можно резюмировать в двух моделях, одинаково внеисторических. Старый коммунист, который не изменил своим убеждениям и «вычищен» из Академии наук, излагает героическую формулу коммунистов: «Не все было плохо в Чехословакии за последние 40 лет». Но это все равно, что, умирая, сказать: «Не все было плохо в этой жизни». Это — тривиальная философия (проще, глупость).

Можно лишь поразиться тому, что коммунисты, пережив такой катарсис, не пришли к вопросу: «А что было плохо в Чехословакии за последние 40 лет?» Другими словами: в какой из критических моментов послевоенной истории был сделан принципиально неправильный выбор в конкретных условиях именно того момента? Ведь если окажется, что в действительности в эти критические моменты был сделан наиболее разумный выбор, то придется признать, что в сущности (а не в мелочах) коммунисты провели государственный корабль Чехословакии наилучшим образом.

И вот, беседуешь с молодым интеллигентом-антикоммунистом, который утверждает, что «все было плохо». Является ли реальностью, не зависящей от чехов, что американцы поленились (или пожалели свою кровь) и не освободили Чехословакию от немцев сами, а уступили ее Сталину? Да, это реальность. Мог ли кто-то (например, ты, такой умный) воспрепятствовать приходу советских войск-освободителей? Нет, что за абсурдная идея, их умоляли прийти быстрее. Так, прошли один критический момент, пойдем дальше.

Мог ли кто-то в 1948 г. воспрепятствовать резкому повороту к «социализму»? Соглашается, что нет, никто не мог — эта

идея «овладела массами», а интеллигенцией почти поголовно. Но ведь путь до 1968 г. был predetermined этим выбором всего общества, как бы мы сегодня этот выбор ни проклинали. Тот, кто этому выбору в тот момент сопротивлялся, был отброшен в сторону. Таких было мало, и нынешний умник не был бы в их числе, даже он сам таких иллюзий не строит. Прошли еще один перекресток.

Остается 1968 год. Спрашиваю: «Почему твой отец — это как бы ты в тот момент — не вышел на улицу с автоматом и не стал стрелять в русских солдат, которых считал оккупантами?» — «Да что ж он, идиот, что ли? Ведь нагнали столько войск, что сопротивляться означало разрушить страну». Так, значит, «коммунисты» (и прежде всего президент Людвик Свобода) поступили разумно, не призвав народ к войне Сопротивления. «Конечно правильно, это было бы самоубийством, тем более что Запад и не собирался нам помочь».

И получается, что во все критические моменты находившиеся у власти коммунисты выбирали из очень малого набора реально имевшихся альтернатив именно ту, которая означала меньше всего травм и страданий для народа и страны. Любой другой выбор предполагал необходимость идти против огромной геополитической силы — СССР (идти на «самоубийство»), причем идти против настроений *подавляющего большинства* своего общества и даже против рекомендаций Запада. Да что же это были бы за политики? И каков же уровень мышления нынешнего интеллигента, который, доведись быть у руля власти ему, все бы сделал иначе и гораздо лучше? О мышлении западного интеллигента в связи с Чехословакией и говорить неудобно: он на себя вообще никакой ответственности за действительность не берет.

Другим общим местом стало то, что Куба — единственная страна в Латинской Америке, где не утвердилась демократия. Но демократия — это сложная система, обеспечивающая выражение мнений и волеизъявление разных групп населения, власть большинства, взаимную терпимость и права меньшинств. Эта система опирается на организационные механизмы и на гораздо менее четко описываемую базу — культурные нормы, традиции, ритуалы. Свободные выборы — важный элемент механизма, но не более чем элемент.

Человек с «западным» типом мышления потерял способность оценивать состояние общества даже в короткой исторической перспективе. Ведь взятый в динамике, тот же вопрос о демократии на Кубе встал бы совершенно по-иному, и пришлось бы сказать: «По ряду параметров режим на Кубе не соответствует «европейским стандартам», но это качественно иное общество, чем была Куба всего 48 лет (по данным 2007 года) назад, при Батисте». За это время трансформировались не только механизмы и нормы власти, но и сама культура общества, так что его уже можно судить по *европейским* меркам, а не по меркам Гватемалы и Гондураса — той базы, с которой начала свою эволюцию новая Куба. А если так, то западной демократии (будь она искренна) было бы логичнее стремиться не к конфронтации и блокаде Кубы, затрудняющих ее дальнейшую демократизацию, а к сотрудничеству.

Во время падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы много говорилось о том, что народы этих стран возмущены коррупцией высших эшелонов власти, той роскошью, которую позволяли себе члены руководства. Очень скупое, впрочем, давались конкретные данные об этой роскоши (промелькнул лишь факт, что какой-то болгарский министр ездил охотиться в Африке). Никому и в голову не пришло сопоставить размер средств, идущих на потребление представителей высших руководящих капиталистических стран и «корруптированных коммунистических режимов». Никто не сказал телезрителям, что речь идет о роскоши, оцениваемой по совершенно иным, чем на Западе, меркам, *смехотворным* с точки зрения боссов рыночной экономики и западной государственной верхушки.

В Испании в 1993 г. только средняя зарплата директора фирмы (включая мелкие фирмы) составляла, не считая других доходов, 140 тыс. долларов в год; зарплата президента небольшого провинциального банка «Иберкаха» — 360 тыс. долларов в месяц. Распространявшийся в 90-е годы демократической прессой миф о том, что на Западе уже все живут на трудовые доходы, рассчитан на ленивых людей, не желающих заглянуть в справочник. Испания — одна из наиболее «социал-демократических» стран, изымающих значительную часть дохода с капитала. И все же в 1990 г. суммарная зарплата (включая директоров) там составила 23 млрд. песет, а рента с капитала — 4,6 млрд.

Ровно одну пятую. Это значит, что если предприниматель имеет пять работников, он уже, *ничего не делая*, имеет такой же доход, как и работник. Разумеется, он может одновременно быть и директором и получать еще зарплату раз в пять больше. А если у него сто работников, то он потребляет в двадцать раз больше среднего — ничего не делая.

В 90-е годы новая демократическая номенклатура России откупала на южном берегу Испании целые отели с комнатами по 400 долларов в сутки. Ели они так, как не позволяли себе никогда отдыхавшие там же кувейтские шейхи. На виллу, где собирался демократический российский полусвет, приезжал играть в качестве тапера Сливаков с «виртуозами Москвы». Разве при виде всего этого стало стыдно нашему инженеру или научному сотруднику за свои проклятья в адрес советской власти? Ведь еще недавно он был готов всю страну разгромить оттого, что Хрущев охотился в Крыму.

Неспособность поместить ситуацию в реальные пространственно-временные координаты иногда бывает просто гротескной. Вот с целью заклеить очередной раз режим Кубы испанское телевидение организовало дебаты, звездой которых выступила попросившая убежища сотрудница кубинского балета, очень милостивая девушка. Сначала поговорила об «ужасных репрессиях» — двух арестованных (и уже выпущенных) правозащитниках. Это энтузиазма не вызвало, факты слишком уж вялые, о репрессиях лучше говорить абстрактно. Тогда она перешла к теме социального неравенства: в центральном госпитале в Гаване члены партийной элиты лежат в отдельном зале, «куда не кладут простых рабочих» (главный врач этого госпиталя потом сказал мне, что это ложь, но не в этом дело). На это не нашлись что ответить защитники Кастро — все были потрясены такой социальной несправедливостью (забыв на время свои собственные проклятья в адрес «гноусной уравниловки», свойственной социализму). Хотя все прекрасно знают, в каких условиях лечатся «аналоги» кубинской партийной верхушки западных стран.

Здесь никого не удивляет, что один из директоров одного из множества банков на личном самолете летит из Испании на прием к врачу в США (это передало то же телевидение в тот же день). Удивительно, что сторонники социализма на Кубе, занявшие в

теледебатах слабую глухую оборону, не заметили очевидного факта: эта девушка-«антикоммунистка» сама есть продукт новой системы (которую она, видимо, искренне хочет уничтожить). Ее действительно возмущает, что номенклатура имеет привилегии по сравнению с обычным гражданином. Ее подсознание уже очаровано идеалом равенства и справедливости. И она, как ребенок, надеется, что стоит свергнуть Кастро и разогнать коммунистов — и рабочие разместятся в палате, где раньше лежали больные номенклатурщики. Иных вариантов ее головка уже не вмещает. Но она — из балета, а в России и доктора наук так же думали.

Как ни парадоксально, но духовные завоевания социализма лучше всего видны, пожалуй, именно в поведении его «врагов» (это слово приходится брать в кавычки, хотя они и были одной из сил, прервавших советский проект в СССР). В 1972 г. я работал на Кубе и пошел как-то с дочкой на пляж в Гаване. Сидит группа подростков, негры и мулаты, из «низов общества», крутят магнитофон и на чем свет стоит ругают правительство Кастро: у них магнитофон ленточный, а у какого-то приятеля, уехавшего в США, — кассетный. Подсел ко мне старик, убиравший пляж, тоже негр. Расстроен ужасно. «За них ведь боролись, — говорит. — Раньше вообще на пляж не вошли бы. А теперь сыты, учатся, работой будут обеспечены — так магнитофон плохой. Вот сви-ньи». А я ему и говорю: «Наоборот, по этим-то ребятам и видно, что вы не зря старались. Раньше им и в голову бы не пришло, что общество и правительство обязаны дать им хороший магнитофон. Общество было для них врагом, и они не ждали от него ничего хорошего. Думали, как бы что у него урвать или ему отомстить. А теперь это люди, которые не воруют и не просят, а требуют. Запросы их искривлены, но это дело времени». К сожалению, времени, видимо, не хватит, ибо головы были искривлены не только у подростков и не только в Гаване.

Как объяснить, что нормальный интеллигент, часто научный работник, избегает делать структурный анализ ситуации, а сначала воспринимает ее идеологическую трактовку? Ведь совершенно очевидно, что любое общество обязательно вынуждено создавать людям, занимающим высокое положение в социальной иерархии, те или иные привилегии. И механизм, через который они предоставляются, принципиальной роли не играет — он опреде-

ляется всем социокультурным контекстом. Были ли привилегии, предоставляемые верхушке режима, скажем, на Кубе, вопиюще большими, выходящими за всякие разумные рамки? Нет, никто этого не утверждает. Может быть, это верхушка паразитическая, не выполнявшая своей роли в социальной структуре? Этот вопрос в дебатах и не возникает, следовательно, существенной роли не играет. Значит, культурный телезритель (а некультурный такие сюжеты и не смотрит) просто дергается на идеологической веревочке.

Стирание из исторической памяти пути, пройденного самим Западом, выполняет, конечно, важную политическую функцию. Так, попытки других стран воспроизвести уроки Запада сегодня, со сдвигом во времени, хотя и в гораздо меньших масштабах, представляются как аморальные. Отставшим странам запрещается использовать антиэкологичные экономически выгодные технологии, давшие в свое время большой эффект «первому миру». Например, Россия произвела в 100 раз меньше фреонов, чем США, но должна одновременно с США прекратить их производство, так и не воспользовавшись в крупных масштабах этой дешевой технологией.

Примечательно и отношение общественного мнения к проблеме сохранения тропических лесов Амазонии. Бразильцы, всерьез приняв пропаганду образа жизни «первого мира» как единственной достойной человека модели, принялись вырубать леса, чтобы воспользоваться плодородными землями (то есть принялись повторять путь, пройденный развитыми странами), — и сразу предстали перед миром чуть ли не как враги человечества. «Амазония — легкие Земли», «Бразильцы лишают нас кислорода» — таким был лейтмотив западной прессы. Но стоило кому-нибудь в дебатах за многочисленными «круглыми столами» заикнуться о том, что было бы логично заплатить бразильцам за производимый их лесами кислород, так нужный «цивилизованным» людям для их автомобилей, это вызывало взрыв возмущения. Странное противопоставление равноценных агентов сгорания: за нефть платить не зазорно, а кислород третий мир обязан выдавать бесплатно.

А вспомним, как трактуется в рамках евроцентризма демографическая ситуация. Ведь дело доходило до истерики: надо

запретить «слаборазвитым» размножаться, атмосфера Земли уже не выдерживает (хотя вклад, например, Индии в создание «парникового эффекта» составляет всего 2% от вклада США — ничтожная величина; уж если кого и следовало бы поубавить из жалости к атмосфере, то это именно жителей «цивилизованных» стран). И при этом интеллеktуал-демократ упорно не желает вспомнить историю своего собственного народа.

Ее напоминает Самир Амин: «Евроцентризм позволил забыть, что демографический взрыв в Европе, вызванный, как и в нынешнем Третьем Мире, возникновением капитализма, был компенсирован эмиграцией, которая населила обе Америки и другие части мира. Без этой массовой завоевательной эмиграции (население потомков европейцев вдвое превышает сегодня население регионов, откуда происходила миграция) Европа была бы вынуждена осуществлять свою аграрную и промышленную революцию в условиях такого же демографического давления, которое испытывает сегодня Третий Мир. И заводимый на каждом шагу гимн спасительному действию рынка обрывается на этой ноте: принять, что вследствие интеграции мира человеческие существа — так же, как товары и капиталы — всюду чувствовали бы себя как дома, просто невозможно. Самые фанатичные сторонники рынка становятся в этом пункте сторонниками протекционизма, который в остальном отвергают в принципе» [1, с. 108].

Глава 5

ЕВРОЦЕНТРИСТСКИЕ МИФЫ О РОССИИ — ОРУЖИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Как очень крупное общество, «не переваренное» Западом, Россия привлекала пристальное внимание и вызывала жгучий интерес западной интеллектуальной элиты. Тема России (СССР) была обязательным блюдом западной прессы вплоть до 1990 года, когда было решено, что дело сделано, и России как независимой страны не существует. **При этом образ России и русских искажался не просто до неузнаваемости и не просто по незнанию — он формировался по составленной неведомо кем формуле.**

Над этим образом в среде российской интеллигенции принято подсмеиваться — ну и чудачки эти американские киношники, ты посмотри, как изображают русских аристократов (например, Вронского в «Анне Карениной»). А между тем вопрос не так прост. Россия — прекрасно изученная Западом страна, на советологию в течение последних пятидесяти лет отпускались огромные деньги, на Западе работает целый легион экспертов — выходцев из России. В этих условиях «по ошибке» такого искажения информации об огромной стране быть не может.

Те российские западники, которые утверждают, что Россия — это Европа, только нам надо быть «пооткрытее», должны были бы сначала объяснить именно этот феномен. Зачем создается этот странный миф о России и русских (примерно столь же деформирующий истину, как и миф западных «ориенталистов» о Востоке)? Герцен, задумавшийся об истоках этой русофобии Запада, считал, что дело в страхе перед сильной и непонятной культурой. Страх, конечно, плохой советчик, особенно когда боящемуся кажется, что он победил.

Изучение технологии формирования образа России в сознании западного человека могло бы стать темой интересного исследования в культурологии. Но сейчас мы подойдем с другой стороны и посмотрим, как постулаты русофобии были заданы российским евроцентристам и как они формировали вариант «мифа о нас самих» в ходе перестройки — с обнародованными наконец целями «разрушения Империи». Я не буду оспаривать все эти постулаты, доказывать, что Россия — не верблюд. Пробегая по всей структуре мифа о «совке» и его нецивилизованных предках и сравнивая с реальностью Запада, скажу в качестве общего вывода: как правило, наши проблемы и дефекты, о которых говорят идеологи, — это проблемы, порожденные индустриализацией, изменениями и ломкой образа жизни, человеческих отношений. Это неизбежные проблемы адаптации к быстрым изменениям.

Что бросается в глаза на Западе, это колоссальные средства, расходуемые на разрешение этих проблем и нейтрализацию дефектов. Средства, которые нам просто «не снились». И второе: когда мысленно переносишься с Запада в Россию, поражает способность русских *с малыми средствами* добиться в решении аналогичных проблем огромных результатов (хотя конечный результат может быть и хуже, чем на Западе — при его деньгах). Пройдем хотя бы по нескольким таким частным мифам — для примера.

Первое утверждение, которое нам при любой возможности вбивали в голову, состоит в том, что русские, «уклонившись от цивилизации», оказались неспособны пользоваться современными технологиями. Началось с Чернобыля, а затем к этому подверстывалась препарированная информация обо всех авариях или провалах. О Чернобыле говорить не будем по двум причинам. Это — огромная катастрофа, событие уникальное и с каждым годом все менее понятное. Анализ того, что о нем известно, заставляет пересмотреть всю концепцию технологического риска. Можно даже сказать резко: уроки Чернобыля — прежде всего не для России, а для Запада. В Чернобыле отказала не техника, а «человеческий фактор», сложилась аномальная система действий персонала, которая при расчетах была оценена наукой как структура с приемлемо малой вероятностью. Тот факт, что в ходе самоорганизации такая структура возникла, заставляет отказаться от

принципов механистического детерминизма, на которых построена вся западная техносфера. Это — сигнал о том, что мир должен переходить к философии нестабильности и учитывать процессы самоорганизации, образования порядка из хаоса.

В мае 1992 г. в Лос-Анджелесе произошло событие, означающее начало нового этапа в истории. Деидеологизированные, не управляемые никакой партией и никакой концепцией обитатели городского дна достигли качественно нового уровня самоорганизации. Возникли структуры, оказавшиеся сильнее мощной репрессивной системы государства — причем под вопросом теперь сама принципиальная возможность этой репрессивной системы справиться с самоорганизующимися структурами маргиналов.

Достаточно было одновременно создать пожары в нескольких правильно выбранных точках города, как сами пожарные и полицейские машины создавали цепную реакцию пробок, полностью блокирующих дальнейшее передвижение полиции. Внутри «защищенного» таким образом района можно было безнаказанно грабить магазины. Важная эволюция: за год до этого была «репетиция» этого подхода в Вашингтоне, щедро показанная по телевидению, — в масштабе одного микрорайона. За год перешли от лабораторного эксперимента к опытным испытаниям действующего образца. И полученное знание необратимо. Но это — начало конца западного мифа об индустриализме и «столбовой дорожке».

Большой идеологический урожай был снят с тяжелой аварии на море — столкновения теплохода «Адмирал Нахимов» с сухогрузом. Под сомнение были поставлены все подсистемы советского строя, ни много ни мало. Капитаны безответственные — где такое может быть! Суда старые, на плаву не держатся. Спасательные средства плохие. Все правильно — и все ложь. Ибо никакого отношения ни к строю, ни к особенностям России это не имеет. Куда ни глянь — то же самое, если не хуже. Вот в Голландии у самой причальной стенки переворачивается вполне новый паром — халатно расставляли автомобили, перегрузили один борт. Почти двести жертв. Ясно, что паром плохо спроектирован, что персонал проявил безответственность, что служба порта не готова к спасательным работам — но увязать это с общественным строем или идеологией ни одному экстремисту в голову не пришло. А то

на фешенебельном курорте под Барселоной на пляже при небольшом волнении утонули шесть человек. Оказалось, единственный спасательный круг, которым располагали спасатели, куда-то отравили до этого на лодке (тоже, видно, единственной). И тоже никто это ни с рыночной экономикой, ни с монархическим строем Испании не увязал.

Жизнь, однако, дает не менее удивительные сюжеты. В Барселоне в высотном госпитале оборвался лифт, погибло 12 человек. Оказалось, был большой и прогрессирующий дефект, но фирма год за годом штамповала сертификат о техническом осмотре, никакого осмотра не проводя. Проблема взаимоотношения «человек-машина» — общая проблема всех обществ, создающих современную техносферу, и каждая культура может внести в решение этой проблемы важный вклад, поскольку по-иному чем другие культуры видит любую проблему человека. Вместо этого идеологи деформируют саму проблему в поисках мелкой политической выгоды.

Особенно сильное впечатление на сознание производит опасность от огня, сообщение о погибших в огне людях. И во время перестройки тема пожаров эксплуатировалась в полной мере. Был пожар в гостинице «Россия», где погибло четыре человека. Какие делались выводы: преступное использование горючих материалов в строительстве; СССР не дорос до использования высотных гостиниц, ибо пожарные не оборудованы длинными лестницами. Тоже все правильно — если бы не чисто идеологический вывод о том, что *Россия неспособна* (а вот Запад — тот да). И никто не потребовал тогда дать просто фактическую сводку о положении с пожарами на Западе. А если бы дали, то вопрос бы вывернулся наизнанку: как Россия сумела, не имея ни того, ни сего, обеспечить столь низкий уровень опасности?

В Сарагосе, в Испании случился ночью небольшой пожар в дискотеке. Никто из тех, кто танцевал внизу, в зале, об этом и не узнал — все умерли. Пятьдесят два трупа вынесли и положили на тротуаре. При пожаре загорелся диван, и образовались столь ядовитые тяжелые газы, что смерть людей была моментальной — официант так и остался стоять за стойкой с бутылкой в руке. Что, правые использовали этот случай для критики правительства социалистов? Такое и в голову никому не пришло. А газеты тут

же опубликовали сведения о подобных пожарах в дискотеках США, и оказалось, что трагедия в Сарагосе — рядовой случай. И никакого комплекса неполноценности у испанцев никто создавать не стал (потом газеты сообщили, что суд оправдал хозяев дискотеки — фиеста продолжается).

Не вдаваясь в эту большую тему, выскажу лишь предположение, что в СССР при скудных затратах на безопасность ее относительно высокий уровень обеспечивался именно тем, что люди считали весь народ своей родней, а все, что было в стране — общим достоянием. Возможно ли у нас было, например, такое явление: в Испании выгорают леса (причем в пожарах гибнет довольно много людей), и основная причина — поджоги. В Галисии этим занимаются специальные малые предприятия, которые сбрасывают с легких самолетов на парашютах поджигательные устройства — поскольку горелая древесина, сохраняя приемлемое качество, продается раз в десять дешевле. Иногда лес поджигают, чтобы отомстить за какую-нибудь обиду местным властям, а в одном случае — самим пожарным.

А вспомним, какой колоссальный удар по самосознанию советского человека нанес случай, ставший вехой перестройки: в детской больнице в Элисте двадцать малышей были заражены СПИДом. Как был представлен этот бьющий по чувствам случай? Вот вам советская медицина, не стерилизуют шприцы. Полетели самолеты с гуманитарной помощью. Ельцин на весь свой гонорар покупает ящик одноразовых шприцев и дарит детской больнице. Предприниматели вывозят титан и нефть, обещая на вырученные деньги построить завод этих самых шприцев. Потом выясняется, что никто никого не заразил, а в эту больницу направляли из разных мест детей — носителей вируса СПИДа. Но этого пресса уже не печатала, да это было и несущественно. Все поверили в миф о дикости и безответственности советского здравоохранения и расставаться с этим мифом не хотели. Что же в этой сфере мы видим на Западе?

Очень вскользь пресса и телевидение сообщили о судебном процессе над директором Национальной службы переливания крови Франции (это тебе не медсестра больницы в Калмыцкой АССР). По дешевке скупая кровь у маргиналов и наркоманов и не подвергая ее установленному контролю, персонал этой службы заразил СПИДом

несколько тысяч человек (я, будучи тогда в командировке, слышал о трех тысячах, но цифры все время уточнялись).

Летом 1993 года — опять суд в Париже, над специалистами из Института Пастера. Они изготавливали гормон роста для детей. Для этого покупали гипофизы трупов и, как полагается на рынке, искали подешевле. Поэтому покупали в экс-социалистической Венгрии. Надо же, даже маленький кусочек трупа идеологически согрешивших людей ценится в десять раз дешевле. Но качество, конечно, не то — и пятнадцать парижских детей были заражены неизлечимой и смертельной вирусной болезнью. Можно ли было проверить купленные по дешевке (а то и из-под полы) гипофизы? Конечно — но хлопотно и накладно. А ведь это — не «совки», не калмыки, а Институт Пастера.

А вот случай прямо у меня на глазах — в Сарагосе. Забарахлил в центральном госпитале линейный ускоритель для радиационной терапии, производства «Дженерал электрик». Прибывший инженер фирмы затянул маленько регулировочный винт на индикаторе мощности, чтобы стрелка зря не дрыгалась, и дело с концом. Два года облучали пациентов мощностью в десять раз большей, чем показывал индикатор. Стали разбираться, когда пациенты начали умирать один за другим. Неделю назад умер двадцать второй, остальные дожидаются. Суд, конечно — но не системы и даже не «Дженерал электрик», а инженера.

В целом, нашего человека убедили, будто вся техносфера, в которой его заставляла жить система «реального социализма», опасна — именно из-за того, что система не может обеспечить достаточных для использования современных технологий условий. Это — сознательно разработанная и осуществленная идеологическая акция по разрушению важного элемента национального самосознания народов СССР. Из проблемы был исключен ряд элементов, которые как раз определяли в целом более высокую, чем на Западе, безопасность нашей техносферы.

Взять такую «мелочь», как терроризм. Гремят взрывы в небоскребах Нью-Йорка, на железных дорогах и на площадях (а то и универмагах) Испании, на площадях и на вокзалах в Риме и Лондоне. Жертв не так много, но в целом в этих странах сложилось устойчивое ощущение опасности случайно стать жертвой теракта. Речь идет уже об опасности, принципиально

присущей техносфере Запада. Техносфера СССР была этого фактора лишена, что сразу давало ей большое преимущество (мы начинаем оценивать это лишь сегодня, когда сами выбросили это преимущество на помойку). Можно назвать и другие опасности для человека, порождаемые техносферой западного общества, от которых был защищен советский человек.

Например на Западе осуществлена «насильственная» поголовная автомобилизация. Общественный транспорт испытывает хроническую дистрофию и непропорционально дорог. В результате шоссе превратились в место реальной и высокой опасности, ежедневные сводки с дорог напоминают военные сводки. А об общей психологической обстановке говорит, например, тот факт, что правилами движения в Испании запрещено оказывать помощь водителям, стоящим на обочине — надо вызывать полицию. Ибо не исключено, что тебе машет рукой преступник, который хочет тебя убить. Освоение этого принципа в России в начале 90-х годов казалось нам невероятным, но понемногу это освоение идет.

Второй мощный пласт мифологии об СССР и России — это утверждение о незащитности простого человека перед тоталитарной советской (или православно-царской) партийно-государственной машиной. Миф об опасности, исходящей от тирании традиционного общества, — в противовес защищенности человека гражданского общества Запада. Сегодня, освободившись от дурмана перестройки и одновременно от воздействия «антибуржуазной» пропаганды идеологов КПСС (типа Бовина и Цветова), я утверждаю, что в СССР (и в старой России) средний человек был гораздо лучше защищен от опасности со стороны государственной машины, чем на Западе. Да, защищен не правовыми средствами, а традиционной моралью, теми самыми табу, которые Запад снял при рационализации мышления. И сейчас можно сказать с уверенностью, что моральный тормоз действует более надежно, чем правовой. Именно социальный порядок и культура Запада создает для личности ряд реальных опасностей, от которых был избавлен советский человек.

Прежде всего, западная цивилизация со времен Рима лелеет культ силы и право сильного. И общий климат таков, что всякий, кто слаб (в любом смысле), постоянно подвергается опасности. Если говорить о государстве, то сам вид полицейского (особенно

в США — «новых центурионов») и его экипировки отражает этот культурный стереотип. Этот стереотип, культивирующий силу, непрерывно воспроизводится всей мощью кино и телевидения. Достаточно ли гарантии безопасности личности от этой силы? Нет, гарантии эти весьма слабы. Лучшая гарантия — статус индивида в социальной иерархии.

В Лос-Анджелесе белые полицейские догнали водителя-негра, совершившего тривиальное нарушение правил движения, и вчетвером избили его так, что он на всю жизнь остался инвалидом. Случай рядовой, и скандал случился лишь из-за того, что на их беду из магазина рядом с местом событий вышел человек, только что купивший видеокамеру, и на радостях для пробы тут же снял просто улицу — и всю сцену избиения. Дело было очевидное, суд присяжных несколько часов просматривал видеofilm и... оправдал полицейских. В результате — волнения, около 70 убитых и ущерб городу на 2 млрд. долларов. Через год Клинтон приказал повторить процесс, и двоих полицейских засудили на 3 года (как сказал адвокат пострадавшего, если бы нечто подобное сделал негр, он получил бы 35 лет тюрьмы).

Повторяю, что дело получило скандальную известность случайно. Ибо событие — рядовое. Вот маленькая заметка: в Лондоне полицейские задержали и повезли в иммиграционную службу для депортации девушку из Ямайки с просроченной визой (мать ее живет в Лондоне). Рот ей заклеили пластырем, а для верности в машине сели ей на живот и раздавили почки. Споры идут о том, отчего она умерла — просто ли задохнулась от кляпа, или к этому добавился болевой шок. Мать склоняется ко второй версии, а полиция с возмущением отвергает это недостаточно обоснованное обвинение и настаивает на том, что все дело в кляпе. Девушка просто задохнулась. Никаких претензий к погибшей полиция, кстати, не высказывает.

Через день — в газете новая маленькая заметка, теперь из Голландии. В центральном парке две девочки-марокканки катались на лодочке, и девятилетняя девочка выпала в воду, недалеко от берега. Ее подружка двенадцати лет прыгнула за ней и пыталась вытащить, а сил не хватало. Стала кричать, просить помощи. На берегу собралось около двухсот любопытных бюргеров, кое-кто с видеокамерами — как упустить такой сюжет. Никто

не шелохнулся, и девчонка оставила подругу в воде, вылезла и побежала искать полицейского. Ребенок пробыл в воде больше часа и спасти его не удалось. Голландские законы обязывают оказывать помощь людям, терпящим бедствие, и полицейский стал требовать объяснений у зевак. Ответ был: «Эти девочки — нелегальные иммигранты» (хотя, разумеется, никто у них визу не проверял). А те, кто снимал эту сцену на видео пленку, отказались предоставить ее судье, так как солидарны с соотечественниками.

Тут беззащитными людей сделал цвет кожи. С ирландцами дело обстоит иначе, здесь — историческая презумпция виновности. В самый разгар перестройки, в 1990 году, выпустили из тюрьмы невинно просидевших шестерых ирландцев. Их пытали и вырвали признание совсем недавно — в последние годы брежневского режима, пытали не в Москве, а в Лондоне.

Конечно, «от тюрьмы не зарекайся» — пословица всех времен и народов. Везде возможны ошибки. Сказать, что в СССР было особенно много судебных ошибок, нельзя — для этого нет никаких оснований. Никто никогда такого сравнения не делал. Вся идеологическая кампания по дискредитации советской судебной системы основывалась на отдельных случаях и на таланте журналистов, которые эти случаи описывали. А дальше идеологи делали общие выводы, для которых эти отдельные случаи оснований не давали. И если с абсолютно той же меркой подойти к западной реальности, то окажется, что она как минимум не лучше. Вот по испанскому телевидению смотрю передачу на социальные темы — приглашены жертвы судебных ошибок или их родители. И диву даешься — у нас самые дотошные критики советской системы таких случаев не выкапывали.

Вот отец, крестьянин, плачет, просит «судей всей Испании быть повнимательнее». Сына арестовали, отвезли в Мадрид в тюрьму, никакого обвинения не предъявили. Выпустили в таком состоянии, что парень покончил с собой, так и не добившись объяснений. Другой случай: симпатичный мальчик-школьник. В шестнадцать лет его арестовали по подозрению, что он — знаменитый «насильник в лифтах», который терроризировал женщин всей Испании. Продержали десять месяцев, причем следствия никакого не было. Выпустили как ни в чем не бывало, опыт получил ужасный. Выступает отец: семья разрушена, психика матери

не выдержала, репутация подорвана. Третий случай — благообразный седой инженер-программист. В фирме случился скандал, его обвинили в «информационных преступлениях» и посадили в тюрьму. После апелляций выяснилось, что таких преступлений вообще в уголовном кодексе Испании не существует — суд исходил «из общих соображений».

Но главное даже не в этом. А в том, что тюрьма тюрьме рознь. Нас убедили, что тюрьмы в СССР были ужасны, бесчеловечны и т. д. Но вот по всей Европе и в США прошли бунты заключенных, и кое-что показали по телевидению. В Барселоне заключенные взбунтовались в поддержку молодого врача, который объявил забастовку. Почему? Он стремился выполнить свой долг и хоть чем-то помочь больным заключенным. И показали тюремную амбулаторию, все оборудование которой составляла одна табуретка. Но не этим страшна тюрьма на Западе, а тем, что это уже не тюрьма, а нечто новое и гораздо большее, не предусмотренное кодексами. Тебя приговаривают к месяцу лишения свободы, не более того, а семья с тобой прощается навеки.

Дело в том, что в Испании, например, свыше 40% заключенных больны СПИДом (кое-где половина). Примерно такой же процент — гомосексуалисты. И новенького заключенного, на какой бы срок он ни был посажен, с очень большой вероятностью изнасилуют, и кто-то из насильников наверняка болен СПИДом. Похожая ситуация и в других странах Запада. И получается, что вся система правосудия фактически отбросила основной принцип любого права — пропорциональность наказания тяжести содеянного. Да и принцип разделения властей отброшен, как грязная бумажка. Судебная власть приговаривает правонарушителя к одному наказанию — и передает в руки исполнительной власти, в ведении которой находятся тюрьмы. А эта власть фактически наказывает человека совершенно иным способом, то есть, решает его судьбу уже сама.

За сравнительно небольшой проступок тебя почти приговаривают к смертной казни — во всяком случае, к психологической пытке, связанной с неопределенностью: казнят или нет? Один человек был приговорен к месяцу тюрьмы за нарушение дорожных правил — превышение скорости. Всего на месяц. Но

в тюрьме он был изнасилован, получил СПИД и быстро умер. Потому-то поднялся такой шум, когда попался очень модный в Испании журналист. Он написал что-то о махинациях президента клуба «Реал Мадрид», о которых и так все знали. Тот в суд. Доказательств нет. Значит, клевета — два месяца тюрьмы. Казалось бы, что такого, при Франко по двадцать лет сидели. Но нет, поднялся крик на всю Испанию. Уж как извинялся смелый критик коррупции. Наконец, правительство использовало свое право помилования и заменило ему тюрьму штрафом. И по телевизору мы видим гордого народного трибуна, благодарящего правительство и навзрыд плачущего. Вот тебе и свобода, вот тебе и достоинство личности. А ведь речь идет о представителе высшей элиты, который с половиной министров «знаком домами». Парень из деревни до правительства не докричится.

Как на этом фоне выглядят утверждения о надежной защищенности лояльного человека Запада от произвола государства и полной уязвимости в тоталитарном СССР? Как сознательно сфабрикованный миф. Другое дело, что сегодня нас быстро вытягивают в «глобальную цивилизацию», и мы перенимаем у нее прежде всего самые дурные черты — но иначе и не может быть.

Глава 6

ЕВРОЦЕНТРИЗМ И ДЕСТРУКТИВИЗАЦИЯ РОССИИ

В России осуществляется проект, цель которого сформулирована как демонтаж всех структур, несущих в себе ген «советской идеологии». По сути это — проект ликвидации особой цивилизации, какой была Россия, а затем СССР. И прежде всего должно было быть демонтировано то, что называется *культурным ядром* общества. В традиционном обществе в это ядро входит множество норм, выраженных на языке традиций, передаваемых от поколения к поколению, а не через формальное образование и воспитание индивидуумов. Это — наиболее разрушительная разновидность революций.

Антрополог Конрад Лоренц писал: «Привычки, которые человек воспринимает через социальную традицию, связывают его с людьми гораздо сильнее, чем любой обычай, освоенный индивидуально, и разрушение традиции сопровождается очень интенсивным чувством страха и стыда... Иерархические отношения между тем, кто передает традицию и тем, кто ее воспринимает, являются обязательным условием для того, чтобы человек был готов ее усвоить. С этим тесно связан и процесс, который мы называем поиском идентичности... Это и помогает сохранять устойчивость культурных структур» [9, с. 318].

Уничтожение традиций обосновывается в России необходимостью воспринять нормы «правильной» цивилизации Запада. Но известно, что попытка «скопировать» привлекательные черты иной цивилизации и перенести их на свою почву обычно кончается, как отмечал Леви-Стросс, хаосом и разрушением собственных структур. Ибо даже в самом лучшем случае (когда слабы социальные группы, стремящиеся обогатиться в условиях

хаоса) на свою почву переносятся лишь верхушечные, видимые плоды имитируемой цивилизации, которые нежизнеспособны без той культурной, философской и религиозной основы, на которой они выросли. Сегодня население России на собственном опыте убеждается, к чему приводит такой утопический проект и какие бедствия несет простому обывателю разрушение структур, которые обеспечивали общественную жизнь.

О том, что структуры нашего общества были «нецивилизованными», мы слышаны много. Здесь мы затронем только одну сторону: эти претензии, взятые из арсенала евроцентризма, исходили из постулата, что наши общественные структуры и институты были *противоестественными*. В качестве образца нам указывались аналогичные институты Запада как продукт якобы *естественной* эволюции общества. Поскольку этот постулат утверждался со всем авторитетом науки и престижем «духовных лидеров» типа Сахарова, в массе своей интеллигенция ему поверила — и помогла идеологической машине Горбачева и Ельцина внедрить этот постулат в сознание большинства населения. Общедоступное научное знание позволяет утверждать, что этот постулат — ложь.

Не только не существует «естественной» или «правильной» модели общественных институтов и норм, но и, более того, многие советские нормы и традиции, смешные для человека Запада, были наследием традиционного общества и в этом смысле были *естественны* для России, не испытавшей той культурной мутации, какой стала для Запада Реформация. Покажем это на примере двух общественных институтов — власти и социального обеспечения, затронув, разумеется, лишь отдельные стороны этих явлений, но те, в которых отражаются фундаментальные метафоры двух типов общества.

Возьмем самый крайний случай, который давно стал предметом издевательств для просвещенного интеллигента, — традицию советских представительных органов торжественно принимать решения единогласно. Фотографии Верховного Совета СССР с единодушно поднятыми руками вызывали хохот. Вот тоталитаризм, ха-ха-ха! То ли дело на Западе — за решение надо бороться, все в поту, перевес достигается одним-двумя голосами. Ясно, что у них решения гораздо правильнее. А ведь если бы этот смеющийся интеллигент задумался и вспомнил хотя бы свой институт, КБ

и практику их «парламентов» (партбюро, профкома, дирекции, собрания трудового коллектива и т. д.), то сам пришел бы к выводу, что и у нас, и на Западе речь идет о *ритуале*, а решение реально принимается не в момент голосования. И что принятие решения с перевесом в один голос на деле означает просто отсрочку решения, ибо реализовать программу даже при пассивном сопротивлении половины участников невозможно.

Что же означает ритуал голосования в обоих «моделях»? Он отражает главную метафору общества. В одном случае голосование — способ достижения перемирия в «войне всех против всех» и способ поиска компромисса *конкурирующих* индивидуальных волей. Во втором случае — демонстрация единства всех и подтверждение общей *солидарной* воли. А компромисс и поиск приемлемого для всех решения ищется до ритуальной церемонии голосования, и этот процесс прямо с ритуалом не связан. Ритуал демонстрации единства и обещания всеми выполнять принятое решение — древний ритуал, сохраняемый традиционным обществом. Это мы видим и в процедурах голосования в советах директоров японских корпораций, где не жалеют времени и сил на предварительное обсуждение проектов решения, но принимается оно единогласно. Это мы видим и в сохранившихся «примитивных» обществах, изучаемых антропологами.

Вот выдержки из описаний Леви-Стросса и цитируемых им работ других ученых: «Насколько глубоко могут быть укоренены в сознании установки, совершенно отличные от установок западного мира, безусловным образом показывают недавние наблюдения в Новой Гвинее, в племени гауку-кама. Эти аборигены научились у миссионеров играть в футбол, но вместо того чтобы добиваться победы одной из команд, они продолжают играть до того момента, когда число побед и поражений сравняется. Игра не кончается, как у нас, когда определяется победитель, а кончается, когда с полной уверенностью показано, что нет проигравшего...

Важно отметить, что почти во всех абсолютно обществах, называемых «примитивными», немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальная консолидация и доброе взаимопонимание между членами группы считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения. Иногда дело доходит до того — и это наблюдается в разных районах мира — что

обсуждение решения предваряется инсценировкой боя, во время которого гасятся старые неприязни. К голосованию приступают лишь тогда, когда освеженная и духовно обновленная группа создала внутри себя условия для гарантированного единогласного востума» [2, с. 300–301].

Просвещенному и рационально мыслящему человеку это покажется абсурдным, но это уже — вопрос ценностей. Опыт, однако, показал, что без традиций и «иррациональных» норм, запретов и ритуалов может существовать, да и то с периодическими болезненными припадками (вроде фашизма), лишь упрощенное, механистическое общество атомизированных индивидуумов. Сложные поликультурные, а тем более полиэтнические общества устойчивы до тех пор, пока не позволяют пошлой рационализации навязать им «прогрессивные» западные нормы.

Вот красноречивая иллюстрация, которую приводит израильский политолог Яарон Эзраи: «Любопытный пример политического табу в области демографической статистики представляет Ливан, политическая система которого основана на деликатном равновесии между христианским и мусульманским населением. Здесь в течение десятилетий откладывалось проведение переписи населения, поскольку обнародование с научной достоверностью образа социальной реальности, несовместимого с фикцией равновесия между религиозными сектами, могло бы иметь разрушительные последствия для политической системы».

Разве трагический опыт Ливана в 80-е годы не показывает, что это *нежелание знать* отнюдь не было абсурдным? Ливан разрушен и с трудом встает из пепла. Но ведь мы везде видим одно и то же: там, где власть получают люди, проникнутые мироощущением евроцентризма, грубо разрушаются все традиционные культурные нормы и ритуалы, вызывающие у самодовольного культуртрегера отвращение как «архаические пережитки».

Непосредственно к этому примыкает вторая проблема, которую идеологи перестройки формулировали в виде риторического вопроса: «Кто должен управлять страной?». И все честные демократы должны были хором отвечать: «Ну конечно, профессиональные специалисты, ученые, а не какая-то кухарка». Этот крик и сегодня повторяется, и в нем отражается одно из важнейших столкновений евроцентризма, исходящего из механистического де-

терминизма рационального мышления, с мышлением обыденным, включающим в себя и моральные нормы, и традиции, и предания.

«Кухарка» — это использованный Лениным метафорический образ человека с обыденным мышлением, но человека «из низов»*. Он был принят как альтернатива «царю» — метафоре человека с самого верха иерархии, но тоже человека с обыденным мышлением. В сравнении с ученым, то есть человеком с мышлением исследователя, кухарка и царь различаются между собой существенно. **Суть в том, что для ученого важно знание (истина), и он в принципе чужд понятиям Добра и зла — для него этих понятий просто не существует, знание свободно от моральных ценностей. Совершенно иначе видят мир кухарка и царь — они исходят из критериев Добра (для семьи, о которой заботится кухарка, или для всех подданных державы). Кухарка и царь не *исследуют* общество, а обеспечивают ему мир и благоденствие. Ученый подходит к объекту как *экспериментатор* — он ломает объект, чтобы познать его. Общество, в котором власть отдана ученому, неизбежно идет к трагедии.**

Сюда же относится и вся кампания по обличению засилья стариков в советских органах власти (говорилось, что политический строй СССР был *геронтократией*), и песенка о том, что России не нужны «народные депутаты, съезжающиеся со всех концов страны», а нужен небольшой парламент из *профессиональных* политиков. Для сохранения мира в СССР огромное значение имело как раз то, что в центральных органах власти было много людей с сохранившимся «деревенским», не научным и не техноморфным мышлением. Дальше всего от этого мышления ушла ставшая «городской» научно-техническая интеллигенция. Сейчас из парламентов убрали всех «кухарок» — и что же мы видим?

Общество, рассматриваемое как машина, изживает, наконец, политику, заменяя ее поиском оптимального решения (при этом идеология заботится о том, чтобы людям не пришел на ум вопрос: а каковы критерии оптимизации и кто их устанавливает?). Исчезает политический выбор.

---

* В действительности Ленин говорил, что «кухарка, конечно же, не может управлять государством», но мы здесь не будем даже останавливаться на проблеме искажения ленинской мысли в нашей прессе. Возьмем ту модель, которая обсуждалась во время перестройки.

Естественно, что при превращении политики в технологию нет нужды и в политической активности масс, нежелательно даже, чтобы слишком много людей приходило на выборы. При сохранении формально демократических структур, неолiberaлы стремятся заменить осуществляемую выборными представительными органами политику на контролируемую специалистами технологию принятия решений. Все это — под знаменем достижения максимально полной свободы индивидуума.

Мы видим сегодня в России, разрушаемой в соответствии с мифами евроцентризма, устранение не только социальных, но и культурных оснований власти, которая в нашей стране всегда легитимировалась не технологической эффективностью, а моральными ценностями — идеями любви и справедливости (чему не противоречат вспышки жестокости, которым бывают подвержены и отец, и царь, и кухарка). И в то же время России не дали вырастить ни ту форму демократии, к которой она совершенно очевидно и быстро эволюционировала (сравните ряд Сталин — Хрущев — Брежнев), ни ту, которая стала нарождаться в травмах перестройки — парламентскую, но сугубо российскую. Ей навязывают совсем уж несусветную модель технократического «государства принятия решений».

Теперь взглянем на судьбу не власти, а «маленького человека» — отработавшего свой век пенсионера. Это вопрос о социальном обеспечении, система которого в конечном счете предопределяется представлением о человеке, из которого исходит социальный порядок. Евроцентризм, как говорилось, исходит из модели *человека экономического* — рационально считающего, знающего свою выгоду и накапливающего состояние. Такой человек чуть ли не с детства знает, что станет старым, больным и нетрудоспособным — и копит, копит, копит. Он знает также, что дети в старости ему не помогут, но и он им если и даст денег в долг, то под расписку (и под проценты).

Раз так, неолiberaлы с полным основанием требуют ликвидировать всякие виды социального обеспечения, ибо оно есть не что иное, как регулярное изъятие некоторой доли из доходов всех людей и возвращение пенсионерам этих денег в старости (но уже на уравнительной основе). Это — ущемление свободы человека. Пусть, считают философы неолiberaлизма, он сам распоряжается

этой долей дохода, а если распорядится неразумно (например, промотает в молодости), то это будет его ошибка.

В России, восприняв этот тезис, начали ликвидацию «уравнительной» системы социального обеспечения, сведя на нет покупательную способность пенсии (на деле просто украв изъятые у людей ранее средства ради формирования «слоя предпринимателей»). Одновременно началось создание альтернативных «западных» систем. Гайдар даже заявил, что он рассчитывал за 1992 год «изменить экономическое поведение населения России» — силой приучить их копить деньги на случай болезни и старости. Совершенно очевидно, что даже если по приказу это поведение изменили бы люди самого активного возраста — 30–40 лет, они уже нормальным путем накопить себе на старость не смогли бы, они опоздали на 10–20 лет (не говоря уже о невозможности копить во время кризиса). О более старших поколениях и речь не идет. Схема реформы принципиально предопределяет заведомую бедность и страдания в старости большинства живущих ныне граждан России — даже если будет преодолен кризис и дела молодых пойдут на лад.

Для пояснения рассмотрим показательный пример — положение стариков в Испании. Он показателен потому, что среди западных стран Испания имеет с Россией наибольшее число сходных черт. Во-первых, Испания в течение пяти веков была частью арабского мира. В мироощущении, мышлении и поведении испанцев видны многие особенности той евразийской культуры, которые, по мнению многих философов, характерны для России. Во-вторых, индустриализация началась в Испании позже, чем в остальной части Европы, и Испания — одна из немногих стран, сохранивших крестьянство, тесную связь горожанина с деревенскими родственниками и сильные пережитки крестьянского мышления и традиционных норм человеческих отношений.

В-третьих, Испания, особенно ее старшие поколения — явно христианская страна. Евангельские заповеди являются здесь и культурными нормами и оказывают существенное влияние на общественную жизнь. Наконец, Испания в течение 40 лет режима Франко приучалась к патерналистской* политике государства (хотя и в условиях капитализма), сильной социальной защите и наличию элементов уравнительного распределения. Поэтому очень

большая часть испанцев в сравнении с типичным индивидом стран протестантского капитализма не были накопителями.

И вот в этой социокультурной среде в 80-е годы, после смерти Франко, тоже произошла «перестройка». Не так, как у нас — никаких революций, никакого демонтажа структур, никаких идеологических чисток или сведения политических счетов. Мирный и осторожный, постепенный переход к рыночной экономике, а также федеративному устройству с постепенным увеличением прав автономий. Запад с самого начала решил «принять» Испанию в свое лоно и не желал никаких разрушений. Но не это нас здесь интересует. Важно то, что даже при таком бережном переходе к «цивилизованному» порядку поколения испанцев начиная с 40 лет и старше не смогли быстро перестроить свое экономическое поведение и накопить достаточно средств на старость. Старики в Испании 90-х годов оказались резко отброшенными в бедность. Был сильно потеснен патернализм государства, и в то же время сильно ослабли связи поколений и помощь молодежи старикам. И старики стали намного беднее, чем более молодые поколения.

Рыночная экономика в ее чистом и даже подправленном кейнсианством** виде заставляет выбрасывать стариков из жизни. И тот российский интеллигент, который уговаривал сограждан, в том числе стариков, поддержать демонтаж всех систем совет-

---

* **Патернализм** (от латинского *paternus* — отцовский, *pater* — отец) — покровительство, опека старшего по отношению к младшим, подопечным. В развитых зарубежных государствах патернализмом в трудовых отношениях называют систему дополнительных льгот и выплат на предприятиях за счет предпринимателей. Направлен на закрепление кадров, на смягчение трудовых конфликтов. В международных отношениях термин «патернализм» использовался для обозначения опеки крупных держав над более слабыми государствами, колониями, подопечными территориями (*прим. ред.*).

** **Кейнсианство** — теория государственного антикризисного регулирования экономики, основанная на политике увеличения потребительского спроса за счет высокой оплаты труда. Основные принципы сформулированы английским экономистом Джоном Кейнсом. Если в прошлом государство стояло на позициях невмешательства в частнопредпринимательскую деятельность, то согласно кейнсианства общество всеобщего благоденствия возможно при активной государственной социальной политике. После Второй мировой войны получила развитие концепция некейнсианства, акцентирующая внимание на экономическом росте и динамике (*прим. ред.*).

ского строя, или врал нагло, или трагически обманывал себя и других. **Когда советская система социального страхования будет полностью ликвидирована, заменена всяческими «пенсионными фондами» и «личной бережливостью», основная масса русских стариков опустится на дно, и они начнут быстро умирать от горя. И на лбу каждого интеллигента-либерала появится клеймо убийцы. Пока невидимое.**

Глава 7

МИФ «СВОБОДЫ» И РЕФОРМЫ В РОССИИ

В 1991 г. в России был установлен политический режим, в котором евроцентризм являлся господствующей идеологией. Поскольку речь шла о режиме радикальном, который пришел к власти через революционный разрыв с прошлым, эта идеология внедрялась во все сферы общественной жизни жесткими, часто разрушительными методами. Проект переделки России предполагал демонтаж культурных норм общества, укорененных в традиции, в предании и предрассудках, и потому лежащих в глубоких слоях культуры. Это — несравненно более болезненная и более опасная операция, чем, например, перераспределение собственности. Всему обществу и каждому человеку предъявлялось требование изжить ряд «пережитков» и «предрассудков», чтобы соответствовать правильной модели цивилизации.

Важнейшее объяснение причин «отсталости» русского народа лежит в сфере культуры и национальной психологии. В самых разных вариациях повторялся тезис о неразвитости в русских *чувства свободы*. Это чувство и была призвана внедрить новая «культурная революция» под знаменем либерализма. Впрочем, тезис о том, что Восток отличается от Запада атрофированным чувством свободы, является общим местом евроцентризма.

С. Амин отмечает: «Переноса методы классификации животных видов и методы дарвинизма от Линнея, Кювье и Дарвина к Гобино и Ренану, утверждалось, что человеческие «расы» наследуют врожденные признаки, постоянство которых не нарушается социальным развитием. Согласно этому видению, именно психологические стереотипы предопределяют, в большой степени, различные типы общественной эволюции... Можно множить цитаты, отражающие этот взгляд, например, о врожденной любви к

свободе, о свободном и логичном мышлении одних — в противоположность склонности к послушанию и отсутствию строгости мысли других и т. д.» [1, с. 91].

Особенность момента в том, что с конца 80-х годов этот тезис очень жестко применяется по отношению к русским — народу, вся история которого, казалось бы, никак это обвинение не подтверждает. И это уже практически не вызывает ни возражения, ни удивления в образованной аудитории — привыкли.

Вот маленький, но типичный пример. Писатель Хосе Агустин Гойтисоло, представитель славной фамилии испанских писателей-демократов, в большой статье под названием «Русский народ ищет свою идентичность» популярно излагает историю России и загадку русской души [10]. Не будем пересказывать все нагромождение небылиц о нашей истории, которыми наполнена голова среднего европейского демократа. Но некоторые сентенции имеют концептуальный характер. Так, Гойтисоло иронизирует над «идеей возрождения великого русского народа, в то время как в действительности этот великий русский народ никогда не входил в современную цивилизацию». Это — классический евроцентризм. Тойнби писал, что в этой линейно-европоцентрической картине «совершенно нет места для Китая или Индии и едва найдется место даже для России или Америки. А уж где найти в ней хотя бы уголок для майя или хеттов?»

Далее мы узнаем, что на протяжении всей истории, вплоть до возникновения капитализма в конце XIX века, в культуре народов России «не существовало этики труда». Здесь уверенность в превосходстве западной цивилизации доведена до абсурда — правильными признаются лишь хозяйство и трудовая этика Запада. Это евроцентризм наивный.

И, наконец, ссылаясь на утверждение «члена Академии наук и очень известного на Западе историка Арона Гуревича», писатель выносит уже привычный приговор, исходя из категории свободы: «В глубине души каждого русского пульсирует *ментальность раба*».

Чтобы дополнить образ врага цивилизации, которым представляется русский народ (кстати, вовсе не коммунизм — о нем во всей статье Гойтисоло не сказано ничего плохого), обычно добавляется тема гипотетического антисемитизма русских. Естественно,

без всяких попыток объяснить, почему же именно в России осела самая большая община евреев. Но тут испанский писатель, видно, вспомнил историю (а именно поголовное изгнание евреев из Испании в 1492 г.) и эту тему развивать не стал. Хотя вообще с собственной историей он обращается очень вольно. Так, он уверен, что, в отличие от России, в Испании к моменту смерти Франко имелась «длительная история истинной демократии». Он смеется над «безумной идеей реставрации монархии в России — деле немыслимом». Кому же кажется безумной идея реставрации монархии? Подданному его величества короля Испании Хуана Карлоса Первого Бурбона, посаженного на трон в 1976 г.

Но все это — милые проявления европейской наивности. Важнее, что за информацией демократический писатель обращается к «академику» Арону Гуревичу, излагающему расистские взгляды относительно нации, с которой его народ жил в тесном взаимодействии много веков (и желает продолжать жить и дальше). Ведь здесь приписывается «ментальность раба» не личности, не секте и даже не сословию, а именно каждому русскому как биологически присущее всему народу предосудительное качество. Почему европейский демократ берется быть его рупором — вот вопросы, важные сегодня для России.

Надо подчеркнуть, что «потребность в свободе» и «ментальность раба» трактуются в рамках западного мировоззрения как *биологические*, а не культурные параметры.

Э. Фромм пишет: «Будучи условием целостного развития человеческого организма, свобода является фундаментальной биологической потребностью человека... Среди всех угроз жизненным интересам человека угроза его свободе имеет чрезвычайное значение, как в индивидуальном, так и социальном плане. Вопреки распространенному мнению, что желание свободы есть результат культуры, и, конкретнее, обучения, имеется достаточно свидетельств того, что желание свободы есть биологическая реакция человеческого организма» [7, с. 204]. Но считать какие-то отрицательные качества неотъемлемым, биологически обусловленным атрибутом этноса и называется *расизмом*. Характер отрицательных качеств, приписываемых каждому русскому, позволяет говорить о росте расизма по отношению к русскому народу.

Вот поучительный случай. В 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей — от двух до трех тысяч трупов в каждой яме. Кто же расстрелял австрийцев? Само собой, русские. Обозреватель испанской газеты «Паис» пишет с сарказмом: «Русские продолжают быть убийцами по своей природе, такова уж их раса — убивают чеченцев и вообще кого попало. Они такие плохие, потому что были коммунистами? Или они были коммунистами, потому что такие плохие?» И далее сообщает, что вышел конфуз — русские до тех мест в Австрии не дошли (выяснилось, что эти массовые расстрелы — дело американских войск в 1945 г., и всякие упоминания об этом событии исчезли).

Таким образом, в рамках евроцентризма русским отказано в обладании врожденным, якобы биологически присущим человеку «чувством свободы». В действительности речь все время идет не о свободе, а о «мифе свободы» — части евроцентризма как идеологии. Вообще, идея свободы в ее нынешнем западном понимании сложилась недавно, лишь в буржуазном обществе. Категория свободы, возникшая одновременно с наукой, представляется идеологией как вечная категория, имманентно присущая человеку. Но представление европейца Средневековья о человеке и обществе базировалось прежде всего на категориях справедливости, христианской веры, чести, верности. *Биологически* присущая человеку потребность свободы (во времени и пространстве) имеет совершенно иную природу, чем идея свободы якобинцев или Джефферсона*.

В какой же свободе нуждался западный капитализм? Прежде всего, в свободе *от человека*. Экономика свободного рынка рабочей силы потребовала полного освобождения человека от традиционных культурных норм и структур, то есть надо было освободиться от старого аграрного общества: патриархальной семьи, церкви, привязанности к земле и родной деревне. Буржуазному обществу, индустриальной цивилизации был нужен человек-атом, свободно передвигающийся и вступающий в свободные отношения купли-продажи на рынке рабочей силы.

---

* Кстати, вся история России показывает, что присущее нашей культуре «свободолюбие Разина» всегда имело здесь глубокие корни, о чем говорит, например, такое крупномасштабное явление, как казачество.

Американский антрополог Салинс пишет об этой совершенно необычной свободе «продавать себя»: «Полностью рыночная система относится к историческому периоду, когда человек стал свободным для отчуждения своей власти за сходную цену, что некоторые вынуждены делать, поскольку не имеют средств производства для независимой реализации того, чем они обладают. Это — очень необычный тип общества, как и очень специфический период истории. Он отмечен тем, что Макферсон называет «собственническим индивидуализмом». Собственнический индивидуализм включает в себя странную идею — которая есть плата за освобождение от феодальных отношений — что люди имеют в собственности свое тело, которое имеют право и вынуждены использовать, продавая его тем, кто контролирует капитал... В этой ситуации каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Фактически все общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену» [11, с. 128 — 129]. Возникает временная форма рабства.

Естественно, что человеку традиционного общества, каковым была Россия-СССР, «освободиться» от людей и стать «атомом» будет несравненно труднее, чем европейцу, который посвятил этому четыре века. Реалистично оценивая в этом плане успехи «рыночной» реформы в России, можно сказать, что это не удастся сделать без полного разрушения общества и гибели огромных масс населения, ибо предполагает травму никак не меньшую, чем та, которую пережила Германия в период Реформации.

Этот процесс «освобождения от традиций» хорошо изучен и историками, и антропологами. Конрад Лоренц пишет буквально пророчески об этом порабощении через свободу: «Во всех частях мира имеются миллионы юношей, которые потеряли веру в традиционные ценности предыдущих поколений под действием факторов, которые мы ясно видим; эти юноши стали беззащитными против внедрения в их сознание самых разных доктрин. Они чувствуют себя свободными, потому что отбросили отцовские традиции, но немислимым образом не замечают, что, воспринимая сфабрикованную доктрину, они отбрасывают не только традиции,

но и всякую свободу мысли и действия. Наоборот, полностью отдавшись доктрине, они испытывают интенсивное субъективное и иллюзорное чувство личной свободы» [9, с. 325]. Еще одна форма рабства. Рабовладельческое общество с неэффективным трудом никогда не кончалось в западной цивилизации, а просто трансформировалось в гораздо более эффективное общество с индустриальным рабством.

Так и происходило в России в последние годы «освобождение» молодежи от человека, от тысячелетних традиций отцовских поколений. В обмен на пошлые, истрепанные доктрины. Конрад Лоренц, уже старик, сам переживший увлечение самоубийственными доктринами, с особой грустью пишет о судьбе именно молодых поколений, испытавших деструктурирование культуры: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Я не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы. Стремление принадлежать к группе так сильно, что юноши готовы примкнуть к любой фальшивке» [9, с. 323].

Во-вторых, возникновение западного капитализма потребовало «освобождения от Бога» — снятия с предпринимателя присущих традиционному обществу оков всеобщей, «тотальной» этики. Носителем и охранителем этой этики выступала Церковь. Она-то в период буржуазных революций и вызывала наибольшую ненависть строителей нового общества («Раздавите гадину!»). Церковь была представлена как политическая сила, защищавшая тоталитарный монархический строй. Но еще более важным было, видимо, само создаваемое ею убеждение в существовании общечеловеческой совести, пронизывающей все сферы общества. Современное общество «атомизировало» эту совесть, создав *профессиональную* этику каждой сферы, автономную от понятия *греха*. Более того, грех в противовес этическим нормам узаконивается с помощью принятия решений различными парламентами и думами и определяется степенью выгоды. Если очень выгодно — то можно все! Тысячелетним традициям и целостности

государства, за которое пролита кровь миллионов людей, противопоставляется сиюмоментная выгода — жадность побеждает разум!

Даже сегодня любая попытка поставить вопрос об объединяющей общество этике рассматривается теоретиками либерализма как «дорога к рабству» (Ф. фон Хайек). А в период разрушения традиционного советского общества радикальные либералы доходили в своих декларациях до крайности. Вот слова экономиста Н. Шмелева (одного из «прорабов перестройки») в ведущем журнале Академии наук: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно, и наоборот, что эффективно — то нравственно». В любом традиционном обществе, в том числе в России, действует другой принцип: «Лишь то, что нравственно, — эффективно».

Каждая культура ограничивает свободу вполне определенными рамками, и применение этого понятия вне времени и пространства — вечная основа демагогии. **Этические ограничения — один из важнейших каркасов, на которых держится общество. Разрушение этого каркаса вместо осторожной и постепенной замены деталей неизбежно создает ведущий к массовым страданиям хаос, хотя и сопровождаемый гимном свободе.** Относительно такой свободы от культурных структур Конрад Лоренц писал: «Функцией всех структур является сохранение формы и создание опоры, что, очевидно, требует пожертвовать определенной долей свободы ... Червяк может согнуть свое тело где пожелает, в то время как мы сгибаем его только в сочленениях. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, а червяк *не может*» [9, с. 306].

Третье, чего требует евроцентристская формула, — это освобождение предпринимателя от государства. Для рыночной экономики нужна была *свобода конкуренции*. В экономической борьбе на рынке должен побеждать более эффективный предприниматель, и ни государство, ни мораль не должны вмешиваться, ограничивая его действия или поддерживая более слабого. Самир Амин отмечает: «Автономия гражданского общества составляет первую характеристику нового, современного мира. Она базируется на отделении экономической жизни (замаскированной распространением рыночных отношений) от политической власти.

Это — качественное отличие нового капиталистического мира от всех докапиталистических формаций» [1, с. 80].

Либерализм — это невмешательство государства в заключение «свободного контракта» на куплю-продажу рабочей силы. Поэтому всякий патернализм государства отвергается в принципе (слабым — благотворительность). Это находится в резком противоречии с представлением о взаимоотношениях между подданными и государством, которое в разных вариациях бытует в традиционных обществах, будь то Россия, Япония или Иран. Что касается монгольской империи, возникшей в Евразии и включавшей в себя русские земли, то в XIII в. Марко Поло описал совершенно непривычные для европейских купцов принципы государственного устройства и его участия в экономической жизни граждан (патернализм и уравнительное распределение в периоды экономических трудностей).

Автономизация экономики, жестко предписываемая России идеологией евроцентризма, является разрушительной для общества. Она в такой степени лишает большие массы людей элементарных, понятных видов свободы, что ставит под угрозу социальное равновесие.

Наконец, евроцентризм включает в себя идею *свободы от мира*. Для ощущения свободы и безграничности прогресса было необходимо, чтобы в картине мира человек был выведен за пределы природы, чтобы он противостоял ей, побеждал ее, познавал и извлекал из нее нужные ресурсы. Если человек и венец природы, то независимый от нее венец. Это ощущение вызывает тоску одиночества, но и делает ощущение свободы максимально полным. Современная идея абсолютного зла.

Об этом написана масса литературы, и мы приведем здесь лишь слова С. Амина, где он непосредственно связывает эту проблему с евроцентризмом: «Европейская философия Просвещения определила принципиальные рамки идеологии капиталистического европейского мира. Эта философия основывается на традиции механистического материализма, который устанавливает однозначные цепи причинных связей...

Этот грубый материализм, который мы иногда противопоставляем идеализму, есть не более чем его близнец, это две

стороны одной медали. Можно сказать, что Бог (Провидение) ведет человечество по пути прогресса — или что эту функцию выполняет наука. Какая разница? Поэтому идеологическое выражение этого материализма часто имеет религиозный характер (как у франкмасонов или якобинцев с их Высшим Существом). Поэтому обе идеологии сотрудничают без всяких проблем... Буржуазная общественная наука никогда не преодолела этого грубого материализма, поскольку он есть условие воспроизводства того отчуждения, которое делает возможным эксплуатацию труда капиталом. Он неизбежно ведет к господству меркантильных ценностей, которые должны пронизывать все аспекты общественной жизни и подчинять их своей логике. В то же время эта философия доводит до абсурда свое исходное утверждение, которое отделяет — и даже противопоставляет — человека и Природу. Этот материализм зовет относиться к Природе как вещи и даже разрушать ее, угрожая самому выживанию человечества» [1, с. 79].

Либералы считают аксиомой, что свобода — прямой продукт рынка. Это — сугубо идеологические рассуждения. Капитализм требует совершенно определенных типов свободы — и авторитаризма, часто весьма жесткого, в подавлении других типов свободы. Если говорить о рыночной экономике, то ее свобода есть инструмент авторитаризма, а в глобальном плане даже диктатуры (как сказано в первом докладе Римскому клубу, «благожелательной диктатуры технократической элиты»).

Как мы знаем из истории, капитализм прекрасно сосуществовал с самыми крайними режимами, включая фашизм. Даже минимального влияния не оказал характер экономики США на деятельность комиссий по расследованию антиамериканской деятельности. Голливуд сильно пострадал от маккартизма, и Вуди Аллен сделал поучительный фильм о том времени. Если состоятельные люди добровольно кончали с собой, значит, силы морального террора были очень мощными, никакой рынок от них не спасал. Да и если поднять результаты социально-психологических исследований среднего американца 60-х годов, мы встретим потрясающие свидетельства полного психологического подчинения среднего американца власти. В наши дни рынок тоже

не мешает уничтожать людей самым жестоким образом. Никакого раскрепощения сознания рыночная экономика не обеспечила.

Запад создал специфическое социальное образование — «общество двух третей». Иначе говоря, если не учитывать 1% богатейших семей, около двух третей общества составляет «благополучный» средний класс. Треть находится на грани или за гранью бедности. В состав этой трети входят 6—7% «маргинализованных» — людей вообще вне общества, преступников, нищих и бродяг. Эта структура внешне устойчива в условиях демократии, т. к. «нижняя» треть в выборах вообще не участвует, а средний класс поддерживает этот социальный порядок, предпочитая то либералов, то социал-демократов (разница между которыми исчезающе мала). Так вот, «благополучные» все острее ощущают угрозу, исходящую «снизу». И речь идет не о классовой борьбе за что-то, а о социальном мщении *всем*. Это — сравнительно новое социальное явление, еще не понятое общественной наукой и тем более пугающее.

Благополучный человек уже не чувствует себя спокойно в своем уютном городе. Он боится воров и тратит огромные деньги на бронированные двери и сигнализацию. Он боится уличных погромов, когда толпа «маргиналов» разбивает по пути все до одной витрины. Он боится наркомана, который на улице требует с него денег, а иначе угрожает вонзить шприц «со СПИДом». Какие взаимоотношения с обществом могли породить столь необычные «мягкие» формы мщения, как, например, впрыскивание из шприца едкой щелочи в пластиковые бутылки с питьевой водой? Дырочку от иголки в такой бутылке обнаружить трудно, бутылки стоят открыто в магазинах, и эпидемия таких случаев прорвалась по Испании в ноябре 1989 г.

Страх даже нарастает по мере того, как обследования подтверждают угрожающую тенденцию: в среде «маргиналов» нарастает доля специалистов высокой квалификации, с опытом ученых и технологов. От них европейский обыватель ждет мщения с использованием изощренных технологий. Пока что это мщение имеет безобидные формы — над инженерами и учеными довлеют табу (которые не вечны). Нередко обиженный начальством программист перед увольнением запускает в компьютерную систему

фирмы или банка вирус (что в мировых масштабах уже наносит многомиллиардный ущерб).

А в одном городке Испании произошел такой любопытный случай. Возник конфликт между муниципалитетом и техником системы водоснабжения (которого уволили, по его мнению, несправедливо). А через некоторое время во всем городе из крана стала течь вода ярко-зеленого цвета. Кто-то в нужном месте просверлил трубу и заложил туда пробирку с флуоресцином. Очень медленно растворяясь, это вещество окрашивает огромные количества воды в сильно флуоресцирующий зеленый цвет (так спелеологи метят подземные реки). Сделать ничего нельзя, и хотя вода безвредна, убедить в этом жителей города было невозможно. Алькальд был уверен, что это дело рук обиженного специалиста, хотя доказать это не смогли.

Угрозу постоянно ощущает средний житель общества потребления со стороны стран третьего мира. Хрупкая структура потребления разлетелась бы на осколки, если бы страны первого мира, где живет 13% населения Земли, на миг приподняли «железный занавес», который их защищает. Свобода передвижения, если говорить о свободе въезда в страны рыночной экономики, — миф, «прописка» в них охраняется такими силами, с которыми трудно было бы тягаться тоталитарной советской милиции. Во время строительства объектов для Олимпиады в Барселоне была попытка пригласить тысячу венгров-строителей (как писали газеты, «дешевую рабочую силу очень высокой квалификации»). Это было категорически запрещено.

Специфика «формулы свободы» в евроцентризме связана с механистической картиной мира, которая создает иллюзию возможности точно предсказать последствия твоих действий. Это устраняет нравственную компоненту из проблемы ответственности, заменяет ее задачей рационального расчета.

Леви-Стросс, как и многие историки из стран «третьего мира», писал о разрушениях, которые произвел европеец-колонизатор в культурах, попавших в зависимость от Запада. Эти разрушения рассматривались как создание того «перегоя», на котором возросла сама современная западная цивилизация. Но не менее важно и искреннее чувство безответственности. Оно просто лишает человека Запада ощущения святости и хрупко-

сти тех природных и человеческих образований, в которые он вторгается, лишает страха перед *непоправимым*. Это — наивное, почти детское ощущение, что ты ни в чем не виноват, инфантилизм, ставший важной частью культуры.

Леви-Стросс рассказывает, как в резервации небольшого индейского племени пьяный сын убил отца. Он нарушил табу, а по законам племени убийство соплеменника наказывалось самоубийством. Белый чиновник посылает полицейского-индейца арестовать убийцу, а тот просит не делать этого — парень сидит и готовится к предписанному самоубийству. Если же попытаться его арестовать, он будет обязан защищаться и предпочтет умереть убитым. А если полицейский применит оружие, то и сам станет нарушителем табу. Куда там — что за глупости, что за предрассудки. И все произошло именно так, как и предсказывал полицейский. В ходе ареста он был вынужден стрелять, убил соплеменника, отчитался о выполнении приказа и застрелился.

А вот прекрасный американский фильм «Ранделл» — о том, как непутевого учителя назначили директором колледжа в поселке бедноты. В колледже — торговля наркотиками, проституция и поножовщина. Учителя нашли с подростками-бандитами компромисс — хулиганы не мешают тем, кто хочет учиться, а учителя не требуют от хулиганов присутствовать на уроках. Новый директор «поломал» этот порядок и кулаками загнал бандитов в классы. «По закону вы не имеете права выбирать учеников и обязаны учить всех до одного», — заявил он учителям.

В результате то большинство, которое хотело учиться, потеряло такую возможность. Учительницу, поддержавшую директора, попытались изнасиловать и изуродовали, а ставшего на его сторону ученика повесили за ноги. И одна девчонка объяснила директору суть проблемы: больше половины жителей поселка — безработные, мы обучаемся выживанию именно в этой жизни, другой вы нам не дадите, но хотите отвлечь нас от этого необходимого обучения и заставить зубрить про Пипина Короткого. Но герой был непреклонен и с бейсбольной битой в руках, проламывая черепа, продолжал внедрять цивилизацию. На этом реалистичная часть фильма (изнасилования и расправы с «предателями») кончается и начинается гимн герою нашего времени в США. Он побеждает во всех драках (оставляя позади несколько

трупов учеников) и ухитряется засадить в тюрьму самых нехороших. Мы видим прославление «цивилизатора», который грубо вторгся в хрупкую субкультуру трущоб и, размахивая бессмысленными в этой субкультуре ценностями, разрушил в ней самую возможность жизни.

Такую безответственность и «свободу мысли и дела» мы увидели в 90-е годы и в России — у нового поколения просвещенной номенклатуры. Да и у всей той части интеллигенции, которая с таким энтузиазмом поддержала эту номенклатуру, повторяя ее евроцентристские лозунги.

Глава 8

ЕВРОЦЕНТРИЗМ В РОССИИ: ОТ МИФА СВОБОДЫ — К НОВОМУ ВИТКУ ТОТАЛИТАРИЗМА

Та антропологическая модель, которая взята в России евроцентристами-радикалами за основу их идеологии, неизбежно ведет к тоталитаризму наихудшего толка — к диктатуре ничтожного меньшинства, уверенного, что оно призвано командовать стадом, недочеловеками.

Свойственное евроцентризму разделение человечества на подвиды, которое на Западе применялось к народам колонизируемых стран, перенесено российскими «демократами» внутрь страны и приложено к большинству населения. Никогда ранее в России элита не осмеливалась декларировать такого презрения к народу своей страны, противопоставляя его меньшинству. Новодворская просто выходит из себя: «Холопы и бандиты — вот из кого состоял народ. Какой контраст между нашими самыми зажиточными крестьянами и американскими фермерами, у которых никогда не было хозяина!»*.

Новая «элита» в России проявляет большую агрессивность по отношению к массе. Одновременно возникает романтическая, почти болезненная солидарность между представителями «своего круга», что очень красноречиво выражали показываемые телевидением «их» праздники, вечеринки, все эти «возьмемся за руки, друзья». Эти люди так верили в свою избранность, что теряли чувство меры.

---

* Здесь Новодворская даже противоречит мифам евроцентризма. Американские фермеры — согнанные с земли крестьяне Англии, прошедшие «нормальные» этапы рабства и длительного феодального периода. Русские же крестьяне, напротив, так и остались «недоразвитыми», ибо не знали рабства и пережили (и то не во всей России) очень короткий период позднего, уже вырожденного феодализма, не успевшего разрушить общину. Именно у них не было хозяина.

Вот пианист Николай Петров вздыхает о «грузе ответственности» цивилизованного человека: «Прекрасно понимаю, что заставило моего великого друга Мстислава Леопольдовича Ростроповича в том знаменитом августе [1991 г.] написать завещание и прилететь в Москву. Какое-то очень острое ощущение, что не на кого страну оставить... Не оставлять же, в конце концов, мою страну вороватым чиновникам и бестолковым люмпенам».

Не будем говорить о том, в какое состояние привели страну соратники Мстислава Леопольдовича и насколько «невороватыми» оказались чиновники Ельцина. Заметим, что пианист слово в слово повторяет доводы западных социал-дарвинистов. В Англии видный ученый сэр Джулиан Хаксли тоже предупреждал о необходимости мер, не допускающих, чтобы «землю унаследовали глупцы, лентяи, неосторожные и никчемные люди». Чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, Хаксли предложил обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей. «Нарушение этого приказа, — писал ученый, — могло бы быть наказано коротким периодом изоляции в трудовом лагере. После трех или шести месяцев разлуки с женой нарушитель, быть может, в будущем будет более осмотрительным». Это типичное отношение к аборигенам колонизатора, организующего кампанию стерилизации.

Люди с такими идеями, придя к власти, склонны к тоталитаризму. Ибо они не связаны этической нитью с презируемыми ими массами сограждан. Страдания, которые несет большому числу людей их тоталитаризм, во многом связаны с атрофией у них чувства ответственности. Сильные мира сего говорят о своей безответственности с небывалым цинизмом. Вот, после войны в Югославии деятель ООН, принимавший активное участие в балканском кризисе, заявляет: «В Югославии были совершены все ошибки, которые только можно совершить». Но ведь это чудовищное заявление. Из-за ваших ошибок разрушена цветущая страна, но и мысли нет исправлять ошибки, как-то поправить дело, все сводится к маниакальному стремлению расширить бомбардировки Сербии.

Я попал в 1992 г. в Испании на совещание видных интеллектуалов и экспертов по Югославии. И что же услышали участники от приглашенных из Брюсселя экспертов? Что надо немедленно

бомбить сербов и начинать сухопутные действия. Приглашенные из НАТО военные взмолились: «Но, господа, это будет кровавая баня!» (имелась в виду, естественно, не кровь сербов). Ответом было — трудно поверить, — что налогоплательщик отрывает от своего семейного бюджета трудовые (чуть не написал рубли) франки, песеты и т. д., чтобы содержать армию, и армия обязана удовлетворить желание налогоплательщика. «Но НАТО не имеет технологии для войны на Балканах. Мы готовились к большим танковым операциям на европейской равнине», — военные все пытались повернуть к здравому смыслу. «Технологию можно быстро адаптировать», — уверенно возразил эксперт по международному праву, явно далекий от технологии. Генерал умолк.

И вот еще один поучительный случай. В неформальной обстановке был у меня разговор с одним университетским профессором в Барселоне, прогрессивным гуманистом. В свое время он, как и полагается такому интеллигенту, был влюблен в кубинскую революцию — прямо как наш Евгений Евтушенко. Аплодировал и подзуживал маленькую героическую Кубу вlepить еще одну оплеуху империалистическому монстру. Теперь ему Кастро разонравился. «Это что же такое, — сердится профессор. — Десять миллионов человек находятся на уровне биологического выживания. Надо любыми средствами устранить режим Кастро». Опять *любыми* средствами — нет у демократа в мозгу никаких ограничений.

«Как же, — говорю, — устранить? Ведь, по всем оценкам, подавляющее большинство кубинцев поддерживает этот режим, даже учитывая все его дефекты». Но интеллигент, как всегда, вынужден решать за темные массы: «Международное сообщество, Россия должны оказать давление. Есть же методы». Я подошел с другой стороны: «Вот вы говорите, при установленном на Кубе карточном режиме все население находится на грани выживания. Какие изменения в социальной области немедленно произойдут после устранения режима Кастро?» — «Либерализация экономики, ликвидация плановой системы и уравниловки». «Произойдет ли при этом перераспределение национального дохода между социальными группами?» — «Разумеется, и очень существенное».

Просто не веришь своим ушам. Ведь это говорит профессор, по должности приученный к логическому мышлению. Или он не понимает, что говорит? «Но ведь это означает, — указываю

я на противоречие, — что большинство населения опустится ниже грани выживания и будет должно умереть». «Да? Почему же?» — Удивление собеседника неподдельно. И это, пожалуй, самое удивительное. Объясняю: «Если при *уравнительном* распределении в нынешнем состоянии *все* люди находятся на грани выживания, то при изъятии значительной доли средств к существованию у части населения эта часть не получит необходимого для выживания минимума. Как вы предполагали решить эту проблему при смене режима?» И слышу невинный ответ: «А я об этой стороне дела никогда не думал».

Подпрыгнешь на стуле от таких слов. Как не думал? А о чем же ты думал? И ведь мы говорили об идеализированной ситуации. На деле либерализация экономики, как мы уже убедились, ведет к катастрофическому *спаду производства*. Ну можно же немного напрячь воображение и представить себе последствия такой «демократизации» Кубы. «А как вы думаете, — завершаю я беседу, — при такой либерализации в реальных условиях Кубы легко будет охранить новый социальный порядок? Не будет ли лишённая необходимого для выживания часть общества слишком шуметь? То есть станет ли политический режим, как в Швеции или Франции — или вынужден будет действовать, как в Сальвадоре и Гватемале?» Подумал, подумал радеть за права человека, и признал: «Да, пожалуй, будет, скорее, как в Гватемале. Но я никогда об этой стороне дела не думал».

Тут весь тоталитаризм безответственного мышления гуманиста, чья голова набита мифами евроцентризма. Ради совершенно пустых идеологических фантомов он готов любыми средствами внедрить свои мифические «ценности» в чужую, часто совершенно непонятную ему реальность, не задумываясь о той крови и страданиях, которых это будет стоить.

Но разве не то же мы видели дома? Вот советник президента Ельцина, директор Центра этнополитических исследований Эмиль Паин рассуждает в статье «Ждет ли Россию судьба СССР?». Надо послушать нашему интеллигенту, на волю которого ссылается «этнополитик». Паин пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот

момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю».

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву? Коммунизм Сталина? Мао Цзедун? Нет — Горбачева и Яковлева. Но ведь это полный абсурд. Строгий анализ слов и дел этих правителей однозначно показывал: они не тянули даже на звание социал-демократов (типа шведского премьера Улофа Пальме или канцлера ФРГ Вилли Брандта). Они были ближе к неолибералам типа Тэтчер — к правому крылу буржуазных партий. От коммунизма у «политического режима» Горбачева осталось пустое название, которое «реформаторы» и так бы через пару лет сменили. И вот ради этой идеологической шелухи либеральная интеллигенция обрекла десятки народов на страдания, которых только идиот мог не предвидеть.

И ведь то же самое были готовы сделать с РСФСР (и будут готовы сделать с РФ, изменись чуть-чуть политическая конъюнктура). Э. Паин признает: «Я внимательно слежу за публикациями моих коллег, которые всего год назад (это в июне 1992 года!) считали распад России неизбежным и даже желательным».

Бывает, в условиях глубокого кризиса люди теряют ориентиры, мечутся, наносят раны своей стране и своему народу. Но в момент отрезвления их охватывает горе и раскаяние. Когда Григорий Мелехов понял, что проливал кровь братьев, а не врагов, он катался по земле и кричал: «Зарубите меня!». Видим ли мы сегодня что-либо подобное в среде наших «реформаторов»? Можем ли представить себе, что Паин выйдет перед сиротами и беженцами, рванет на себе рубаху и крикнет: «Я разжигал национальные конфликты. Нет мне, мерзавцу, прощения!» Нет, такого представить себе нельзя. Не только ни тени раскаяния нет за содеянное — продолжают хвастаться и праздновать день «независимости России».

Агрессивность как «тоталитаризм индивида» становится важной проблемой и самого западного общества, у которого нас призывают учиться. Тут впереди идут США. Насколько легко сформированный американской культурой человек скатывается к тотальному ответу на возникающие проблемы, видно буквально на всех уровнях — от бомбардировок Ирака до семейных или

школьных ссор. Вот телерепортаж из США. Приличный белый человек среднего возраста, предприниматель. Что-то не так ему сделали в страховой компании. Он не стал жаловаться по начальству, пытаться «уговорить девушек» и т. д. Сходил домой за оружием и боеприпасами, вернулся и перестрелял всех, кто был в конторе (а заодно и тех, кого встретил на лестнице). «Война всех против всех» в чистом виде. Эта культура теперь проникает даже в школы и университеты.

Тоталитаризм укоренен и в социально-политической практике США. Просто здесь он не так бросается в глаза потому, что государство имеет достаточно денег, чтобы маскировать его. В Беркли я видел, как у пустыря, где ночуют бродяги-хипши, круглые сутки дежурит оснащенная как космический корабль полицейская машина. А более бедный тоталитаризм просто разогнал бы этих бродяг дубинкой. Однажды, гуляя летом по этому университетскому городку, я несколько раз наткнулся на удивительную пару: бредет престарелый бездомный, уже почти падая от усталости, волоча развязавшийся спальный мешок, а за ним в двадцати метрах такой же усталый полицейский. Весь взмок от жары, но бредет, ожидая, когда же проклятый старик изнеможет, расстелет свой мешок на газоне и ляжет — только тогда его можно будет арестовать.

Тоталитаризм, имеющий деньги на такое количество полицейских, может соблюдать права человека. А о том, под каким колпаком находятся все подозрительные в компьютеризированной Америке, и говорить не приходится. И никакого якобы нейтрализующего государственную машину влияния рынка не заметно.

Наконец, США — типичное имперское государство, к тому же сегодня испытывающее детскую радость оттого, что повержен его геополитический соперник и оно назначено жандармом всего мира. Каковы же стереотипы поведения США в отношениях с его сателлитами? Вся история показывает, что США стремились к установлению в таких странах тоталитарных и коррумпированных режимов. При этом либеральные деятели США несколько не обманывались относительно природы этих режимов (и лично их даже презирали, а то и ненавидели: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын»). Практически все офицеры репрессивных органов и карательных батальонов латиноамериканских

диктатур, совершавших самые жестокие преступления против прав человека, прошли подготовку в американских школах в Атланте и в зоне Панамского канала. Речь идет о десятках, а то и сотнях тысяч офицеров. А ведь эти школы — часть культуры США, а не какая-то маргинальная полуподпольная организация.

У нас в России о глубоком изучении культуры США и американского образа жизни и речи быть не может — СМИ заняты созданием одного из самых постыдных мифов об Америке. А ведь машина формования среднего американца набрала такие обороты, что, похоже, перестала подчиняться своим создателям. И эта машина культурной индустрии США осуществляет мировую экспансию, подчиняясь своим уже коммерческим законам. От нее пока что в какой-то степени защищены страны, закрытые языковым и культурным «железным занавесом» (Япония, Китай, мусульманский мир). Страны же «европейской культуры» оказались полностью открытыми для американской идеологической машины.

Самир Амин пишет, основываясь на богатом опыте третьего мира: «Современная господствующая культура выражает претензии на то, что основой ее является гуманистический универсализм. Но евроцентризм несет в самом себе разрушение народов и цивилизаций, сопротивляющихся экспансии западной модели. В этом смысле нацизм, будучи далеко не частной aberrацией, всегда присутствует в латентной форме. Ибо он — лишь крайнее выражение евроцентристских тезисов. Если и существует тупик, то это тот, в который загоняет современное человечество евроцентризм» [1, с. 109].

В настоящий момент опасность скольжения к тоталитаризму усиливается из-за нарастания на Западе нового психоза — ощущения «угрозы с Востока». И Россию пытаются втянуть в боевые порядки, и ни о каком «особом пути» не хотят слышать. Исаак Фридберг сурово предупреждает россиян: «Думаю, не будет увеличением сказать, что задержка с реформами сегодня губит все — и в первую очередь зарождающиеся новые отношения с Соединенными Штатами, способные изменить баланс сил на мировой арене... Являясь наивысшим достижением европейской цивилизации, США не могут себе позволить погибнуть в экологической катастрофе, вызванной случайным столкновением на Азиатском континенте» [6].

Очень уж туманно выражается г-н Фридберг. В какую сторону надо менять баланс сил? От кого Россия должна спасать США — а если задержится с реформами, то и не успеет спасти? Какая случайная экологическая катастрофа в Азии может погубить лидера всего мирового сообщества? А на деле все просто. Фридберг надеется, что реформы в России приведут к появлению у США огромного резервуара пушечного мяса.

Западник Фридберг считает русских дураками — посули им горошку, и встанут грудью на защиту интересов «цивилизации», со штыком наперевес против китайцев, японцев, арабов. А следовало бы перечитать «Скифов» Александра Блока — с каждым днем все актуальнее.

Глава 9

ЕВРОЦЕНТРИЗМ И НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОБСТВЕННОСТИ ДЛЯ РОССИИ

В 90-е годы наши «реформаторы» назойливо внушали: «Частная собственность является естественным правом человека». Это — сугубо идеологическое положение, элемент идеологии евроцентризма. Его постоянное повторение служит, чтобы придать статус *естественного* закона положению специфического мировоззрения одной из множества цивилизаций.

Эрих Фромм подчеркивает: «Особо важным, как в экономическом, так и психологическом плане, является вопрос о собственности. Одним из наиболее распространенных сегодня штампов является утверждение, будто любовь к собственности является врожденным свойством человека. Обычно при этом смешивается собственность на инструменты, нужные человеку для работы, и некоторые личные вещи (например, украшения) с собственностью как обладанием средствами производства, то есть, вещами, исключительное обладание которыми заставляет других людей работать на владельца. В индустриальном обществе такими средствами являются прежде всего машины или капитал, инвестированный в их производство. В примитивном обществе средствами производства является земля и охотничьи угодья» [7, с. 149].

В европейской традиции, где и родилось понятие «*естественного права*», его нарушение каралось беспощадно — как преступление против мироздания, против естественного порядка вещей, установленного не человеком, но Творцом. В Средние века петуха, обвиненного в том, что он несет яйца (бывало же такое), судили и отправляли на костер — как преступившего есте-

ственный закон. А в Китае такую аномалию просто посчитали бы неприличием («нарушением гармонии») и не предавали огласке.

Наши «реформаторы» хотят быть святее папы римского и вводят частную собственность в сферу естественного права, где она и не ночевала. Что за этим стоит? За этим стоит желание придать силу природного закона праву на эксплуатацию человека человеком. Еще одна форма рабства.

На этот счет Э. Фромм замечает: «Социальные отношения в примитивных обществах показывают, что человек не является генетически подготовленным к этой психологии доминирования и подчинения. Анализ исторического общества, с его пятью-шестью тысячами лет эксплуатации большинства господствующим меньшинством, демонстрирует с полной очевидностью, что психология доминирования и подчинения является следствием адаптации к социальному порядку, а вовсе не его причиной. Для апологетов социального порядка, основанного на власти элиты, разумеется, очень удобно верить, будто социальная структура есть результат врожденной необходимости человека, а потому является естественной и неизбежной. Уравнительное общество примитивных народов показывает, что это не так» [7, с.151].

Христианство включило в понятие естественного права *равенство* людей (перед Богом!) и свободу воли человека. А замысел Творца, то есть законы Природы, предстали как познаваемые с помощью разума, но вовсе не записанные в конституциях. О выведении имущественных отношений из Евангелия и речи не было — речь шла о коллективном спасении души (хотя кое-что и признавалось неугодным Богу, например, ростовщичество). Реформация совершила духовную революцию отторгнув традицию и сотни поколений своих предков, создавших особое Предание, с помощью которого только и возможно понимание христианства, возведя на пьедестал индивида и дав ему право самому трактовать Священное Писание, причем делая акцент не на Евангелии, а на некоторых книгах Ветхого Завета. Нажива (включая ростовщичество) стала богоугодным делом. Идея религиозного братства была отвергнута. Возникла этическая основа современного капитализма.

Если же мы возьмем доктрину католической церкви за последнее столетие, то увидим, что отношение к частной соб-

ственности оказалось одной из наиболее «неудобных» проблем и вызывает самые противоречивые толкования. В конце XIX века Ватикан, озабоченный ростом классово-борьбы, стал активно выступать в области социальной политики, и папа Лев XIII выступил с энцикликой *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II, еще более активный политик и идеолог, издал энциклику *Centesimus Annus*.

В ней он, в частности, говорит: «В *Rerum novarum* Лев XIII энергично и аргументированно заявил, вопреки социализму своего времени, естественный характер права частной собственности... В то же время Церковь учит, что собственность не является абсолютным правом, поскольку в ее природе как человеческого права содержится ее собственное ограничение... Частная собственность, по самой своей природе, обладает и социальным характером, основу которого составляет общее предназначение вещей».

Как видим, очень уклончиво — частная собственность по природе своей носит социальный характер. Ничего себе естественное право. Особенно это касается собственности на землю: «Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей». Совершенно очевидно, что частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих — это всем прекрасно известно. И далее в своей энциклике папа римский практически отвергает тезис о естественности права частной собственности, налагая на это право сугубо социальные ограничения:

«Собственность на средства производства, как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, является справедливой и законной, когда используется для полезной работы; но является незаконной, когда не ценится или используется для того, чтобы не дать доступа к работе другим или для получения прибыли, которая не является плодом глобального распространения труда и общественного богатства, а скорее для своего накопления, для незаконной эксплуатации, для спекуляции и подрыва солидарности в трудовой среде».

Тут вообще не только ни о каком естественном праве и речи нет — сама частная собственность ставится под вопрос. Ибо

собственность на средства производства только для накопления, получения прибыли и эксплуатации и служит — в этом суть всей политэкономии капитализма, начиная с Рикардо и Адама Смита. Пытаясь собрать под свое крыло ту паству, которая разбрелась после краха коммунизма, Ватикан стал осваивать совсем уж социалистический язык. В энциклике 1987 г. *Sollicitudo Rei Socialis* папа просто камня на камне не оставляет от естественности частной собственности:

«Необходимо еще раз напомнить этот необычный принцип христианской доктрины: вещи этого мира изначально предназначены для всех. Право на частную собственность имеет силу и необходимо, но оно не аннулирует значения этого принципа. Действительно, над частной собственностью довлеет социальный долг, то есть она несет в себе, как свое внутреннее свойство, социальную функцию, основанную как раз на принципе всеобщего предназначения имеющегося добра».

Чтобы заявить о «естественном» характере собственности, понадобилось возродить учение об атомизме («материя построена из атомов») и представить человека как атом человечества — свободный, в непрерывном движении и столкновении с другими атомами. Само слово «*а-том*» есть греческий эквивалент латинского «*ин-дивид*» (т. е. «неделимый»).

Это исходное ощущение неделимости индивида, его превращения в особый, автономный мир породило новое и глубинное чувство собственности, приложенное прежде всего к собственному телу. Можно сказать, что произошло отчуждение тела от личности и его превращение в собственность. В мироощущении русских, которые не пережили такого переворота, этой проблемы как будто и не стояло, а на Западе это один из постоянно обсуждаемых вопросов. Причем, будучи вопросом фундаментальным, он встает во всех плоскостях общественной жизни, вплоть до политики. Если мое тело — это моя священная частная собственность, то никого не касается, как я им распоряжаюсь. И никто не может в зависимости от того, как я распоряжаюсь этой моей собственностью, ущемлять меня в гражданских правах — вот, например, логика политических требований гомосексуалистов.

Как и всякая частная собственность, в современном обществе тело становится своеобразным «средством производства». Э.

Фромм, рассматривая рационального человека Запада как новый тип («человек кибернетический», или «меркантильный характер»), пишет: «Кибернетический человек достигает такой степени отчуждения, что ощущает свое тело только как инструмент успеха. Его тело должно казаться молодым и здоровым, и он относится к нему с глубоким нарциссизмом, как ценнейшей собственности на рынке личностей» [7, с. 347].

Конечно, нарциссизм западного человека поражает — ведь бег трусцой стал массовым явлением, а престарелый президент считает своим долгом взбегать по трапу самолета, перепрыгивая через три ступеньки. И когда ученые убедительно заявили, что «курить — здоровью вредить», половина американцев бросила курить как по волшебству, так что в некоторых городах даже на улице курить запрещено.

Хотя, повторяю, эта проблема в России была на периферии философских интересов, на основании личного опыта можно хотя бы предположить, что отношение к телу было иным. Оно никак не рассматривалось как частная собственность индивидуума («Земля — божья, а люди — царевы»). Об этом говорит и вся концепция здравоохранения при уравнительном социальном порядке в СССР. Помню, в студенческие годы, после XX съезда партии, уже проникнувшись правовым сознанием, я потребовал у стоматолога вырвать мне зуб — хотел избежать долгого и болезненного лечения. Врач отказывался: полечим да полечим. Я возмутился — зуб мой, и мне решать. Но врачиха, дай бог ей сегодня здоровья, поставила меня на место: «Ишь, какой собственник выискался. Твой зуб — народное достояние!» Как ни гротескно это звучит, этим была выражена суть целой эпохи.

Вернемся к истокам. Именно исходя из концепции человека-атома, индивида, Томас Гоббс создал философскую основу рыночной экономики, которая и формулирует ее естественное право. В чем же оно? В войне всех против всех, в силе, основанной на собственности, «законным способом» отнятой у ближнего. Гоббс представляет «естественного» человека, очищенного от всяких культурных наслоений, и утверждает, что его природное, врожденное свойство — подавлять и экспроприировать другого человека: «Природа дала каждому право на все. Это значит, что

в чисто естественном состоянии, или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести».

Интересно сравнение образов животных у Льва Толстого и Сетона-Томпсона. Толстой, с его утверждениями любви и братства, изображает животных бескорыстными и преданными друзьями, способными на самопожертвование. Рассказы Сетона-Томпсона написаны в рамках идеологии свободного предпринимательства в стадии его расцвета. И животные здесь наделены всеми чертами оптимистичного и энергичного предпринимателя, идеального *self-made man*. Если они и вступают в сотрудничество с человеком, то как компаньоны во взаимовыгодной операции.

Итак, первый вывод, который приходится сделать: наша либеральная интеллигенция предлагает положить в основу нашего жизненного устройства самую тоскливую и разрушительную философскую идею Гоббса. А Тойнби пишет об этом замещении христианства культом Левиафана:

«В час победы непримиримость христианских мучеников превратилась в нетерпимость... Ранняя глава в истории христианства была зловещим провозвестником духовных перспектив западного общества XX века... В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту» [4, с. 526—527]. Вспомним инквизитора у Достоевского, который упрекает Христа в том, что Тот не поклонился дьяволу и не принял за это все царства мира. «А мы поклонились! А мы приняли!» — торжествующе воскликнул инквизитор.

Второй, не менее грустный вывод в том, что наша интеллигенция погналась за идеологическим блуждающим огнем чуждого нам и тоскливого мироощущения (похоже, не понимая этой тоски). В англичан уважение к священной частной

собственности вколачивалось топором, петлей и огнем. Большой гуманист и моралист Адам Смит по-новому определил и главную роль государства в гражданском обществе — охрана частной собственности. «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства, — писал он. — В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет». А еще говорят, что классовую войну придумал Маркс.

Как же английская демократия защищала собственников? Прежде всего, железом. В 1700 г. по английским законам 50 видов преступлений карались смертью, в 1750 — втрое больше, а в 1800 — 220. Подавляющее большинство — разные виды покушения на собственность. При этом законы были сформулированы так расплывчато, что на практике область применения смертной казни расширялась минимум в три-четыре раза. В 1810 г. один лорд, изучавший вопрос, докладывал парламенту, что в мире нет другой страны, где бы так широко применялась смертная казнь, как в Англии. Какой раскол в обществе и душе каждого человека создают российские либералы, внедряя эти представления в образ жизни и мыслей народов России, воспитанных на общинных представлениях, заповедях православия и ислама! И более того, создаются искусственные предпосылки для конкуренции между крестом и полумесяцем, которых никогда в России не было, — так сказать, свободный религиозный рынок! К чему это приведет понятно без особых объяснений.

Сегодня, как и предполагал Достоевский, западная цивилизация окончательно отказалась от Христа и отправила его уже на костер. «Бог умер!» — крикнул Ницше. После этого вещать, что для человека естественно, а что неестественно, имеет право только наука. Правовики научного покроя говорят о естественном праве, понимая под ним те базовые потребности, которые якобы вытекают из природной сущности человека. Что же это такое и как это определить? Сколько надо человеку белков и витаминов — сказать еще можно, но сущность... Один старый философ сокрушался: тысячи лет нас мучает вопрос: «Что есть человек?»,

а для нынешнего ученого нет никакой загадки, и он отвечает: «Человек был обезьяной».

Часто подчеркивают, что естественное право — это право на удовлетворение очевидных потребностей. Расплывчато и, уж во всяком случае, никакого отношения к частной собственности не имеет — потребность в ней далеко не очевидна. Остается вернуться к доказанным фактам. Значит, к антропологии. И тут, как ни крути, выходит, что человек — порождение не только природы, но и культуры, общества. И никоим образом втиснуть частную собственность в сферу естественного права невозможно. Отношение к ней определяется конкретными *культурными* условиями.

Долгое время, например, существовало рабство (причем в США — до недавнего времени). Значит ли это, что рабство также является естественным правом? Некоторые американские философы уверены, что представления, привычные для среднего класса США, являются абсолютными и универсальными. Нам должно быть стыдно перед лицом многих поколений антропологов, которые этот вопрос изучили досконально. Ну о каком естественном праве частной собственности может идти речь, если период капитализма составляет всего 0,05% от жизни человеческой цивилизации, а земледелие, начиная с которого вообще появилась собственность — 2%? Или человек для наших либералов лишь *Homo esotomicus*, а все остальные — недочеловеки?

Парадоксальным образом, изучая именно взаимоотношение человека с природой, мы приходим к выводу, что естественным является как раз отрицание частной собственности. Ибо это отрицание связано с тем видением природы, которое было изначально заложено в человеке и «преодолено» в ходе научной и промышленной революции. Можно предположить, что на исторически короткий срок, конец которого все явственнее виден уже сегодня.

Во время перестройки и реформ в России философы и поэты на все лады убеждали нашего человека, что он жил в «примитивном» обществе. Убедили, этот человек согласился с разрушением государства, идеологии, социальной системы. Но теперь к этому «примитивному» человеку пристают с требовани-

---

ем, чтобы он добровольно признал, что частная собственность представляет собой естественное право. Ну где же логика? Ведь в сознании «примитивного» человека отрицание этого права есть прочно установленная система верований. Такие вещи по приказу не отменяются. Значит, «реформаторы» организуют войну, причем войну религиозную, войну против веры. Но это — война на уничтожение.

Литература

1. *Amin S.* El eurocentrismo: Critica de una ideologia. Mexico: Siglo XXI Eds. 1989.
2. *Levi-Strauss C.* Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds. 1990.
3. *Ключевский В. О.* Тетрадь с афоризмами. М.: ЭКСМО. 2001, с. 426.
4. *Тойнби А.-Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс. 1991.
5. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс. 1989.
6. *Фридберг И.* Драматургия истории: опасность всегда исходила только с Востока. // Независимая газета, 1992, 10 сент.
7. *Fromm E.* Anatomia de la destructividad humana. Siglo XXI Editores. Madrid. 1987.
8. *Gorbachov M.* El ataque contra Irak. // El Pais, 9 de julio, 1993.
9. *Lorenz K.* *La acciyn de la Naturaleza y el destino del hombre.* Madrid: Alianza. 1988.
10. *Goytisolto J.A.* *El pueblo ruso busca su identidad.* // El Periydico, 26 de marzo, 1993.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Глава 1	
Основные мифы евроцентризма	
	11
Глава 2	
Евроцентризм как культурная предпосылка расизма	
	31
Глава 3	
Евроцентризм и оправдание двойной морали	
	37
Глава 4	
Евроцентризм и внеисторичность мышления	
	47
Глава 5	
Евроцентристские мифы о России — оружие перестройки	
	60
Глава 6	
Евроцентризм и деструктурирование России	
	71
Глава 7	
Миф «свободы» и реформы в России	
	80
Глава 8	
Евроцентризм в России: от мифа свободы — к новому витку тоталитаризма	
	93
Глава 9	
Евроцентризм и новое представление о собственности для России	
	101
Литература	
	110

Кара-Мурза Сергей Георгиевич
ЕВРОРЕМОНТ ДЛЯ РОССИИ

Редакционная коллегия
Александров Н.А.
Зябликова Е.Н.
Савин В.Н. — *обложка*
Санбелгына О.Н. — *верстка*
Скрябин В.А.
Ярков В.И. — *корректор*

Сдано в набор 14.08.2007. Подписано в печать 28.08.2007. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел./факс (383-2) 221-96-28. E-mail: id-ins@sn.ru

Отпечатано в ГУП СИПКП «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25